

1.2. Общественные проблемы

1. Проблема власти и государства

Я часто вынужден подчеркивать: подобно тому как история есть "настоящее", любой компонент настоящего — это история. Самое первое, что делает каждая новая цивилизация — это пытается разорвать связь между историей и современностью. С помощью пропаганды она стремится обосновать свою легитимность, представляя себя как некую "вечность в прошлом и вечность в будущем". В реальной жизни общества такого разрыва не существует. Более того, без всеобщей истории никакая локальная или частная история не имеет смысла. Следовательно, проблема власти и государства — существующая с момента их зарождения — остается актуальной и сегодня, лишь с небольшими поправками на время и пространство. Рассматривая концепции различий и трансформаций через эту призму, мы повышаем точность наших интерпретаций. Также нельзя недооценивать значимость развития и перемен. Подобно тому как наше мышление атрофируется без опоры на всеобщую историю, оценка исторического процесса как простого повторения (без учета трансформаций) в той же степени скрывает от нас истину. Крайне важно избегать обеих форм этого редукционизма.

В настоящее время можно сделать первичное замечание по поводу власти и государства — это то, что они приобрели чрезвычайное влияние над обществом и внутри него. В XVI веке правители, как правило, находились вне общества, причем воспринимались с чувством удивления и страха. Во все века цивилизация демонстрировала поразительные примеры того, как государство в качестве официального выражения власти осторожно чертило свои пограничные линии. Считалось, что тем лучше, чем острее будет различие между государством и обществом. Во власти даже линии были неясны как внутренние явления обществ. Власти правительства выработали определенные до мельчайших деталей правила этикета, включающие в себя все — от тона и громкости голоса до манеры движений и посадки. Разумеется, это — стремление слабой власти государства увеличить свой авторитет. Образование являлось тем же инструментом легитимности.

Отличие основательного авторитета власти и государства в европейской цивилизации заключается в том, что ощущалась необходимость проникновения во все поры общественного организма и последующего усиления. Здесь можно говорить о двух факторах влияния. Во-первых, количественный рост эксплуатируемого общества не смог бы осуществиться без роста аппарата эксплуатации. Увеличение государственного бюрократического аппарата иллюстрируется тем фактом, что растущему стаду требуется

большее количество пастухов. К этому следует добавить увеличение давления на общество изнутри — со стороны разросшегося до огромных масштабов класса военных. Войны всегда порождали бюрократию. Сама по себе армия является наибольшей бюрократической организацией. Второй фактор влияния - это увеличение знаний и общественной борьбы. В европейских странах удалось избежать жесточайшей эксплуатации: активные протестные выступления и не прекращающаяся борьба стали причиной объемности строительства власти — государство. Борьба буржуазии против аристократии, борьба рабочего класса против и тех, и других не позволили ужесточить режим власти и государства в Европе. Буржуазия — средний класс, придя к власти, впервые в истории стала господствующим классом. Огосударствление массы рожденной из общества, увеличение власти, принудило его к организации внутри общества.

Буржуазия — это огромный класс, не способный вне общества осуществить господство над властью и государством. Однако совершенно ясно, что чем больше усиливается государственность, тем больше возрастают противоречия и конфликты внутри самого общества. Такое явление, как классовая борьба, объясняет эту истину. Либерализм, как идеология буржуазии сделает все, чтобы решить эту проблему. Но то, что произошло за это время, — еще большее усиление государства и власти, а также разрастание бюрократии, как раковой опухоли. В какой бы степени ни увеличились в обществе государство и власть, это означает, что в той же степени существуют и внутренние противоречия. Именно это стало основной проблемой европейского общества, развивавшейся с момента его рождения. Развитая конституция, демократия, республика, социализм, анархия, борьба — все это тесно связано с характером образования власти и государства. Наиболее известное решение, найденное не так давно, — это основные права человека, определенные конституционными законами, то есть превосходство юрисдикции и демократии, что больше, нежели окончательное решение, вынуждает государство и общество к выработке консенсуса и стремления к преодолению длительных периодов активных конфликтов. Проблема власти и государства не решена — всего лишь доведена до приемлемого состояния.

Если внимательно рассматривать национальные и конфессиональные проблемы, вопросы полового неравенства в свете науки, развивая единство власти и государства, введя в парадигму «каждый — и власть и общество, и государство и общество», то это будет служить существованию национального государства. Таким образом, изнутри подавляя классовую борьбу, против внешней позицию защиты все время держат открыто, считается нахождением решения буржуазного национального государства. Это главнейший, испробованный во всем мире метод не столько решает проблему, сколько подавляет ее. Примером максимального проявления сущности национального государства, как государства и власти в его наиболее открыто-фашистском виде стал гитлеризм.

Первым примером национального государства стала борьба Голландии и Англии против испанской монархии. Национальное государство, мобилизуя все общество для отражения внешней агрессии, легитимизирует свое существование. В начальный период образования национального общества отмечаются безусловно положительные элементы. Тем не менее, с самого начала было ясно, что главная задача — прикрыть классовую эксплуатацию и угнетение. Безусловно, национальное государство несет на себе ярлык буржуазного класса. Это модель государства этого класса. Позже Наполеоновские захваты привели к усилению

этой модели во Франции и распространения во всей Европе. Отсталость немецкой и итальянской буржуазии, отсутствие единства стали причиной усиления политики национализма. Внешняя агрессия и внутреннее сопротивление аристократии и рабочего класса вынудили буржуазию к построению явно шовинистической, националистической модели государства. Поражение и депрессия, пережитые рядом государств, начиная с Германии и Италии, поставило их перед дилеммой: социальная революция или фашизм. Выиграла фашистская модель государства. Может быть, Гитлер, Муссолини и им подобные проиграли, но их система победила.

Национальное государство по своей основе может быть идентифицировано как общество государства или государство общества — это и есть описание фашизма. Естественно, государство не может стать общественным, а общество не может стать государством. Такой может быть только идеология тоталитаризма и ее аргументы. Хорошо известна фашистская сущность этих лозунгов. Фашизм как вид государства всегда присутствует в качестве основного начала в либерально-буржуазной идеологии. Это — вид правления периодов депрессии, имеющей структурный характер, поскольку структурными являются депрессии. Его название руководство национал-государства. Это — достижение пика депрессии эпохи финансового капитала. Государства монополии капитализма, в наши дни достигшие апогея развития, оказываются фашистскими в наиболее активные периоды своего существования. Сколько бы не говорилось о распаде национального государства, утверждать, что вместо него будет построена демократия, было бы глупо — может быть, актуальны макро (мировые) и микро (местные) — фашистские политические образования. Ближний и Средний Восток, Балканы, Средняя Азия и Кавказ — происходящее в этих регионах привлекает пристальное внимание. Латинская Америка и Африка находятся накануне новых экспериментов. Используя эволюцию, Европа хочет выйти из фашизма национального государства. Что будете Россией и Китаем, — неизвестно... Супергегемоническая держава США контактирует со всеми типами государств.

Ясно, что проблема власти и государства вновь переживает один из самых трудных периодов. Дилемма «демократическая революция или фашизм» продолжает сохранять свою важность в качестве повестки дня. Все системные, региональные и центральные организации ООН утратили способность функционирования. Впервые в истории финансовый капитал достигает пика своего развития, играет роль слоя капитала, более всего подверженного депрессии. Политика - военным противовесом монополии финансового капитала, является усиленная война против общества. Это — истина, реализовавшаяся в ряде мировых блоков. В качестве какой политической и экономической структуры выйдет мировая система из структурной депрессии, определит уровень интеллектуальной, политической и нравственной деятельности.

В эпоху финансового капитала как монополии самого виртуального капитала капиталистического модернизма, история общества подвержена распаду больше, чем когда-либо. Политическая и нравственная ткань общества разорвана на части. То, что произошло, — это «уничтожение общества», это общественное явление, оказавшееся страшнее геноцида. Овладев СМИ, виртуальный капитал превратил их в оружие, уничтожающее социум, намного страшнее Второй мировой войны. Национализм, религиозный фанатизм, неравенство полов, псевдонаучность и спорт — СМИ 24 часа в сутки

бомбардирует этим общество; как может защититься общество от оружия СМИ?

СМИ влияют на общество как второе аналитическое мышление. Само по себе аналитическое мышление не является ни хорошим, ни плохим и СМИ — тоже нейтральный инструмент. Роль любого оружия определяется тем, кто и как его использует. Гегемонические силы всегда обладают самым совершенным оружием, в том числе СМИ. Используя СМИ в качестве еще одного аналитического мышления, гегемонические силы очень активно подавляют общественные протесты, создавая виртуальное общество, являющееся еще одним видом уничтожения социума. Национальное государство можно также считать одним из видов уничтожения общества. В обоих случаях социум утрачивает свою истинную сущность, превращаясь в инструмент, управляемый монополией. Примитивный подход к общественной среде таит в себе значительную опасность, как и его вывод из самого себя тоже представляет неограниченные опасности. Эпоха виртуальной монополии, как и эпоха финансового капитала, может существовать только за счет общества, утратившего свою сущность. Обе относятся к одному историческому периоду, и это отнюдь не случайно — между ними есть связь. И утратившее свою сущность общество национального государства, и общество, оболваненное СМИ, — это в полном смысле слова проигравшее общество, и на его развалинах создается совсем иное. Безсомнения, мы живем в такой общественной эпохе.

Мы не только живем в самом проблемном обществе, мы живем в обществе, которое ничего не дает своему индивидуальному лицу (одиночно). Современное общество не только утратило нравственные и политические составляющие — под угрозой существование самого общества. Переживается не проблема, а опасность уничтожения как таковая. Если сегодня проблемы разрастаются, подобно раковой опухоли, несмотря на всю силу науки, то перспектива уничтожения общества — это не только мнение, а реальная опасность. Заявления в стиле «национальное государство защищает общество», создают самую большую иллюзию и шаг за шагом приближают угрожающую ему опасность. Общество стоит лицом к лицу не только с проблемами, но и с угрозой уничтожения.

2. Проблема нравственности и политики общества

Я осознаю нежелательность раздела проблем. Европейская наука, бесконтрольно используя аналитическое мышление, развивала этот метод, который, несмотря на определенные плюсы, несет в себе опасность утери целостности истины. Я продолжу использование этого метода, постоянно учитывая эту опасность и понимая, что деление общественной проблемы на «проблемы» в себе несет риск. В заглавии эпистемологии я попытаюсь оговорить другие методы.

В первой части общественных проблем мы не случайно затронули власть и государство. Главной причиной этого является то, что данные явления стали основным источником проблемы. Сначала, используя всю мощь основных образующих функций и власти, и государства, взятых на себя в XII веке, общество лишали силы и защиты, подготавливая к

эксплуатации со стороны монополии. Очень важно представить роль власти и государства именно так, причем просто рассматривать власть и государство как общий результат устройств силы и его отношения будет недостаточно. Я уверен, что его основная роль — это лишение общества силы и защиты. Данная роль выполняется посредством ослабления тканей нравственности и политики, являющихся инструментом «существования» общества. Таким образом социум слабеет и лишается способности функционировать. Общество, лишенное двух таких важнейших моментов, как нравственность и политика, теряет способность к существованию.

Основная роль нравственности, продолжение и жизнедеятельность общества — это сила владения законами и их применение. Утрата обществом законов существования и возможности их реализации означает перерождение в стадо животных; в таком случае оно может использоваться и эксплуатироваться сколь угодно долго. Основная роль политики, — это создание в обществе необходимых нравственных и интеллектуальных приоритетов и нахождение решения. Социальная политика, уделяя внимание этим вопросам, постоянно проводит дискуссии и вырабатывает решения, что обеспечивает жизнеспособность общества и возможность широкой дискуссии. Основу существования представляет собой необходимая способность к самоуправлению и обустройству. Гибнущее общество теряет способность к верному выбору пути, бросаясь из стороны в сторону. Наиболее гарантированный способ лишить общество жизнеспособности — это отсечь его от его политики как органа обсуждения и решения собственных материальных и моральных потребностей, то есть обеспечения своего существования.

В ходе исторического процесса инструменты и взаимоотношения власти и государства заменили нравственность общества «правом», а политику — «государством», соответствующим образом разместив эти структуры. Нравственность и политика, играющие роль двух основных стратегий существования общества, лишаются силы, на их место ставятся право и господство — это основные обязанности власти и государства всех времен. Без этих двух обязанностей невозможны накопление капитала и монополии эксплуатации. Все страницы пятитысячелетней истории цивилизации испещрены рассказами о том, как были сломлены нравственная и политическая сила общества, а вместо них введены законы и управление монополии капитала. Такова история цивилизации, ее истинные, обнаженные причины, и только принятие их во внимание позволит дать точное ее описание. Эта истина лежит в основе всех общественных конфликтов истории. Как будет жить общество, со своей нравственностью и политикой или же в соответствии с законом и политикой насильственно навязанной монополии эксплуатации, как стадо? Когда я говорю о «раковом» разрастании власти и государства, его законов и управления, являющихся основной причиной проблем, я хочу выразить эту истину.

Существует необходимость в том, чтобы обнародовать еще одно обстоятельство. Когда была создана первая иерархия и от имени общества приобрели важность «опыт» и «профессионализм», от нее ожидают пользы вне зависимости от того, как это называется — «государством» или «авторитетом». Если общество совсем не отказалось от государства и авторитета (власть), то лишь благодаря ожиданию пользы оттого и другого. То есть, ожидая опыт и профессионализм от государства и власти, надеются облегчить таким образом суть дела. Важнейшей причиной долготерпения являются ли два влияющих фактора. Опыт есть

не у всех. Профессионализм тоже не каждому дан. Но власть и государство, эксплуатируя эти два оправданных ожидания в течение всей истории, вывела на арену самых неопытных и непрофессиональных неумех, заменила закон — интригой, профессионализм — бездельем. Периоды упадка и катастрофы прямо связаны с этим крайне серьезным искажением.

Буржуазия, исторически наиболее подверженная раковой болезни и чрезмерному развитию среднего класса, оказавшись в центре общества, назвала свои эгоистические выгоды «законом», а свое неумелое управление — «конституционным правлением». Для этого власть и государство разделяя на неограниченное «устройство» и «профессионализмом» увеличило их, это полная катастрофа. Общество попало из огня да в полымя. Интеллектуальная хитрость буржуазии либерализма, ее постоянные «республика», «демократия», «конституция», «уменьшение управления», «ограничение власти и государства» — эти дискуссии до степени открытия истины следует расценить как противоположные выражения. Буржуазный средний класс не в состоянии изменить конституцию, республику, демократию, управление, ограничить власть и государство даже до уровня античных государств Древнего мира: материальная основа, стиль существования среднего класса лишает действительности эти благородные термины. Как общество, с трудом терпевшее королей и династии древней эпохи, может вынести ставшие неограниченными правление и династии буржуазии? Я сознательно использую термин «буржуазная семья и государство», поскольку это исходит из одного источника. Все искусство управления и законы переняты от прежних сил, от аристократии и династий. У буржуазии нет способности к самосозиданию. Раковая болезнь влияния на общество, связи власти и государства исходят из этого классового характера. Природе среднего класса присущ фашизм.

Самой основной проблемой стала парализация нравственных и политических тканей общества, лишение их возможности действовать. Несомненно, нравственные и политические ткани социума невозможно полностью уничтожить: до тех пор, пока существует общество, нравственность и политика тоже будут существовать. Но, перестав быть ареной профессионализма и опыта власти и государства, нравственность и политика не в состоянии выразить свои способности к созданию и действию. В наши дни структура и взаимосвязь власти и государства, проникая во все поры общества, лишает его возможности дышать, делает неузнаваемым, не соблюдающим ни один свой моральный принцип, не умеющим использовать политические дискуссии для решения своих основных проблем и ставит в такое положение, в котором невозможно принять решение. «Глобальные компании», являющиеся повесткой дня нашего времени и истинными хозяевами, резкий рост их капитала стали наибольшей из «бесконечных» монополий в истории. До тех пор, пока общество не погибнет и не распадется, таким виртуальным способом, то есть не используя орудия производства, невозможно заработать деньги на деньгах. Все, что монополия приобрела за всю историю, в том числе нынешняя «прибыль из воздуха», реализуется за счет лишения общества возможности существования и опустошения его сознания — ибо «в воздухе нет денег!».

Должен повториться, что общество ставит в данную ситуацию не только неограниченный рост структуры и взаимосвязи власти и государства. Другая основная часть гегемонии, являющаяся крайне важным инструментом, — это СМИ, с помощью которых осуществляется идеологическое подчинение общества. Национализм, религиозный фанатизм, половое

неравенство, псевдонаучность, индустрия развлечений — без их влияния, только связями и структурой государства и власти, невозможно так уничтожить социум. Глобальные виртуальные компании, исторические монополии, лишают общество его сущности, подвергая эксплуатации на уровне реализации уничтожения социума.

3. Проблемы сознания общества

Первым условием подготовки одного общества к эксплуатации является отсутствие нравственности и политики, разрушение общественного сознания являющегося интеллектуальной основой этих двух клеток общества, необходимо для реализации данного плана. В течение всего исторического процесса правители и эксплуатирующие монополии, желая достигнуть своей цели, прежде всего создают «гегемонию сознания». Шумерские жрецы, подготавливая общество к эксплуатации, прежде всего возводили храм (зиккурат), что ясно доказывает эту истину. Шумерский храм является самым известным, сохраняющим влияние до сих пор средством подчинения и трансформации общественного сознания. С этой точки зрения он представляет большое значение.

Для меня было очень важно объяснить, что общественная среда образуется с помощью самых гибких интеллектуальных структур. До тех пор, пока не будет осознано, что общество — это самая интеллектуальная среда, невозможно развивать значимую социологию. Деспоты, правители, хитрецы, которые хотят эксплуатировать общество, первым делом ослабляют возможности сознания и мышления. Своей основной обязанностью они сделали создание первой монополии, монополию сознания, и этим стал храм. Храм, в сущности, имеет два значения. Во-первых, управление сознанием — это очень важно как орудие гегемонии. Во-вторых, таким способом очень удобно лишить общество его интеллектуальных ценностей.

Необходимо правильно понимать термин «собственное сознание общества». Человек сделал это, еще когда впервые взял в руки камень и палку. Это не инстинкт, это первые ростки аналитического мышления. Чем больше накапливался опыт, тем больше развивалось общество — в основном это происходило за счет активизации этого мышления. Чем больше накапливается опыт и соответственно развивается мышление, тем большие возможности и силу приобретает общество, лучше питается, защищается и воспроизводится. Этот период объясняет значение общественного развития. Постоянно размышляя, общество создает нравственные традиции, также называемые общественным разумом или совестью, го есть собственное коллективное мышление. Именно поэтому нравственность очень важна: это — самый основной орган. Общество является самым большим его сокровищем, накоплением опыта, причиной его сохранности, продолжения и развития жизни. Если это утеряно, тогда из опыта жизни, хорошо знает что распадётся. Важность нравственности придается почти с инстинктивной точностью. В древних племенах, родовых группах, обществах несоблюдение правил нравственности каралось смертью или же изгнанием из общества, то есть обречением на смерть. В основе «убийств во имя чести» лежат эти правила, пусть и в искаженном виде.

Нравственность представляет традиции коллективного мышления, а функция политики несколько отличается. Более всего сила мышления требуется для обсуждения и принятия решения по поводу повседневных коллективных дел. Для политики является обязательным повседневное (актуальное) созидательное мышление. Общество очень хорошо знает, что вне нравственности, как источник накопления мышления, невозможны ни политическое мышление, ни сама политика. Политика неизбежна как арена действий для актуальных, общественных дел. Если даже по этому поводу существуют противоречия, необходимы дискуссии для принятия решения. Общество без политики — это стадо без вожака или же безголовая курица. Само мышление социума, его сила не являются верхней структурой, это — мозг общества. А его органы — это нравственность и политика.

Другой орган общества, священное место, — это, конечно же, храм. Но этот храм является не храмом гегемонической силы (иерархия и государство), а сакральным пространством. Поиски обществом своего сакрального пространства являются едва ли не главным делом, судя по археологическим раскопкам. Это, наверное, единственная важная структура, дошедшая до наших дней, данная истина отнюдь не случайна. Первое сакральное пространство общества — это место, где представлены все прошлое предков, идентичности, союза. Место всеобщей молитвы. Пространство общественной памяти; символ движения в будущее; это — важная причина нахождения всех в одном месте. Общество осознавало, что храм, построенный в привлекательном, величественном, красивом месте, удобном для проживания, будет востребованным и представлять жизненную ценность. Именно поэтому величие более всего представлено в храмах. Как видим на примере шумеров, храм был одновременно местом производства, складом и общежитием рабочих. Имелась в виду не только молитва, но и место обсуждения и принятия коллективного решения. Храм был политическим центром, домом ремесленников, центром новаций, мастерской архитекторов и школой мудрецов, то есть первой академией. То, что центры пророчества в древнюю эпоху возникали в храмах, отнюдь не случайно. Все эти обстоятельства, как и сотни других доказывают важность храма, который по праву можно назвать центром идеологии и мышления общества — это вполне реально.

Развалины монументов в Урфе были возведены две тысячи лет назад, то есть до земледельческой революции. Но техника строительства и архитектура этих каменных строений требуют большого количества рабочих и соответствующим образом развитого общества. Кто они были, на каком языке говорили, чем питались, где рождались? О чем думали и каких обычаев придерживались? Как вели себя? Нет никаких следов, позволяющих ответить на эти вопросы. Ясно лишь одно: обелиски — это, скорее всего, развалины храма. Если учесть, что даже сегодня не получившие специального образования люди не умеют гравировать и не могут этому научиться, то это означать только одно: данные общества не были столь отсталыми по сравнению с нынешними сельскими общинами и деревенскими жителями. Мы можем только предположить соответствующие обстоятельства. Вероятно, святость Урфы проистекает, как ручей, из этой доисторической традиции. Я говорю не о существовании и важности общественного храма, а о важности существования и функционирования гегемонического храма.

Египетские жрецы, как и индийские брахманы, сыграли не меньшую, нежели шумеры, роль в создании гегемонистического храма. Свой вклад внес и Дальний Восток.

Гегемонистическими были и храмы Южной Америки — не зря там в жертву приносили юных. Гегемонистическими были властвующие важнейшие храмы всех эпох и цивилизаций — в этом они едины, повторяя, как копии, оригинала. Главной задачей этих центров было подготовка общества к эксплуатации на пользу власти. Военное крыло монополии, ужасающее отрубая людям головы, возводили из них крепости и башни, а духовное крыло, захватывая умы, завершало это же дело. Оба деяния сыграли важную роль в превращении общества в рабов. Одни создавали страх, другие — убеждения. Кто может отрицать неизменность тысячелетней общественной цивилизации в этом отношении?

Гегемонистическая цивилизация Европы, сохранив сущность сделала большие видоизменения. Колоссальная надстройка национального государства над обществом, не довольствуясь этим, подчинила себе все, до мельчайших деталей, внутренние органы общества — это доказывают ежедневные наблюдения. Университет, академия, лицей, полная, средняя и начальная школы в качестве центров выработки мышления: их дополняют церковь, синагога и мечеть, а также армия. Утвердят захват оставшихся мыслительных клеток нравственности и политики — разве все это не является ассимиляцией и эксплуатацией? Значит, некоторые мыслители не зря говорили о «массовой культуре» общества как о превращении и стадо. Вспоминание о том, что эта ассимиляция мышления принела к фашизму, все еще свежо. Кровавые боины новейшей истории — тоже результат этого захвата и подчиненности мышления.

Не помешало бы повторить: национализм, религиозность, половое неравенство, спорт и псевдоискусство — если потрясти эти картинки, то общество — или же, извините, стадо, то есть массы — можно натравить на любую, какую хочешь, цель. Никакая сила не сможет захватить мышление, которое общество сделало открытым для сегодняшнего глобального финансового капитала. Надо еще раз отдать дань чести шумерским жрецам и изобретениям храма! Bravo! Какие же вы высокопрофессиональные захватчики, если даже сейчас, спустя пять тысяч лет, ваш нынешний последний представитель и храм могут, ничего не делая, скапливать наибольший в истории капитал! Самые масштабные образы и тени бога не смогли получить такую прибыль, значит, постоянное и совокупное накопление капитала — это не просто термин. Деформация мышления — то же отнюдь не простая операция. Доктор Чикмет Кивилджимли и итальянец Антонио Грамши описывали подобный вид гегемонического захвата, причем делали они это, длительное время находясь в тюрьмах национального государства. То, о чем они писали, было их жизнью. Я — тоже узник глобального капитализма, в последнем анализе НАШЕГО ВРЕМЕНИ. Его правильно не распознать, для моего мышления (личности) лично было бы предательством самосознанию (мышлению) общества.

4. Экономические проблемы общества

Когда говорится об экономических проблемах, я вспоминаю муравьев. Даже у такого маленького насекомого, как муравей, нет экономических проблем. Как возможны вопиющие экономические проблемы у такого разумного и опытного существа, как человек, и даже такое постыдное положение, как безработица? В природе нет ничего, что не смог бы использовать человеческий ум. Проблема отнюдь не в естественной функциональности и не

связана с окружающей средой. Враг человека — в самом человеке. Каждая экономическая проблема, начиная с безработицы, связана с капитализацией общества.

Несомненно, исследования К. Маркса в области капитала имеют огромную ценность. Маркс также пытается объяснить безработицу в период депрессии. Жаль, что болезнь позитивизма отразилась и на нем. Болезнь научности помешала ему сделать еще более широкий историко-социальный анализ. Я пытаюсь показать, что капитал не является экономикой — наоборот это влиятельный инструмент лишения экономики ее сущности. Во-первых, я считаю, что прибыль и капитал никогда не были целью развития общества, не имели в нем места. Можно представить себе богатое, благополучное общество — нравственность и политика открыты этому. Но когда в обществе присутствует нищета и безработица, говорить в данной ситуации о богатстве и капитале — это не просто преступление, а прямо связано с уничтожением социума. Само стремление представить цивилизацию как скопление проблем вызвано тем, что она основывается на монополии капитала.

Роза Люксембург связывала реализацию капитала с условием некапиталистического общества, вплотную подойдя таким образом к очень важной истине. Если бы Люксембург смогла раскрыть смысл этой истины, то увидела бы не только зависимость от некапиталистического общества его существования. Высасывая, как клещ, кровь этого общества, и распухая, капитализм одну каплю этой крови давая рабочему, делает его соучастником своих преступлений. Я не отрицаю старание рабочего. Но образование капитала очень мало, в ничтожной степени может быть связано с трудом рабочего, и если даже представить это с философской, исторической, социальной точек зрения, то и данная мельчайшая часть теряет значение. Индустриализм — это воровство у общества и окружающей среды, что становится все более ясным из-за экологических проблем. В наши дни бизнес-менеджеры и высококвалифицированные рабочие стали самыми привилегированными слоями общества, а результатом этого оказывается увеличивающаяся огромными темпами безработица. Какой разумный и знающий человек может это отрицать? Развитие промышленных, монополично—коммерческих и финансовых кругов, то есть монополии капитала и проектов «многодолевого партнерства» лишает смысла термин «рабочий». Важно понять, что рабочий низведен до уровня ремня, связывающего монополию с обществом. В странах бывшего социалистического лагеря эта роль могла быть определена как государственный капитализм, как «уступчивый рабочий» — у классического капитализма тоже есть похожие «уступчивые рабочие». Данное явление всегда существовало внутри общества одновременно со всем остальным. Остальное общество — это некапиталистическое общество, о котором говорила Роза Люксембург.

Если внимательно посмотреть, то можно заметить, что здесь объясняется разница между тем, что является капиталистическим, и тем, что капиталистическим не является. У Розы Люксембург и то, и другое является видом общества. Я рассматриваю капитализм иначе: как организацию, как сеть, как анти-социум, крадущий прибавочный продукт у общества, душащий экономику, порождающий безработицу и, объединяясь с государством и властью, использующий инструменты мощной идеологической гегемонии. К этой организованности в последнее время добавились также слои уступчивых рабочих. Еще раз остановившись на понимании монополии сети, я пытаюсь внести исправления в ошибочную трактовку, причем

более всего хочу раскрыть неверный характер термина «капиталистического общества». Пожертвовать капиталистической монополии такое название — это излишняя милость. Капитал может создать сеть, организационную сеть, но необходимо как следует понять, что мафия тоже является развитой сетью капитала. Единственная причина, по которой капиталистическая сеть не называется мафиозной, это гегемоническая сила капитализма в обществе и его связи с официальной властью. Иначе бы это называлось сетью, у которой, даже меньше чем у мафии, не было бы нравственно-этических правил.

Должен добавить еще одно обстоятельство: промышленность среднего уровня, как и средней руки торговца и земледельца я не считаю капиталистом. В них существует реальная необходимость для решения настоящих экономических задач: несмотря на то, что капитал со всех сторон окружает их, это слои общества пытаются заниматься производством. Помимо этого, я не считаю капиталистическим небольшой рыночный и производственный товарооборот производителей товаров в мини-цехах. Естественно, не являются капиталистами различные высокопрофессиональные специалисты. Все рабочие, кроме «уступчивых», крестьяне, учащиеся, чиновники, ремесленники, дети, женщины составляют хребет общества. Я пытаюсь развить такой термин, как «общество, не являющееся капиталистическим». Это далеко не то, что имеют в виду многие марксисты, которые под «некапиталистическим обществом» подразумевают феодальное, полу-феодальное или азиатское. Данные термины не проясняют истину, а, наоборот, скрывают — я в этом убежден. Я развиваю свои теоретические исследования в ходе рассмотрения не только тех сетей капитализма, которые сформировались в Европе после XVI века, а для всех капиталистических сетей, в ходе всего исторического процесса захватывавших добываемые ценности (торгово-политические, военно-идеологические, сельскохозяйственные, промышленные монополии). Для того, чтобы заметить, что глобальный финансовый капитал нашей эпохи подтверждает эту теорию, не нужны лишние исследования.

Особую важность представляет понимание анти-капиталистического характера общественной среды. Тысячелетиями общество знало, что накопление капитала имеет самое разлагающее влияние. Например, одним из самых известных методов накопления капитала является ростовщичество (взимание процентов за кредит), но нет религии, которая не осуждала бы ростовщичество.

Понимания того, что в наши дни капитал развивает безработицу, растущую колоссальными темпами, — лишь для того, чтобы иметь дешевую рабочую силу, «уступчивых» рабочих, явно недостаточно. Это только одна сторона истины. Главной причиной является то, что капитал связывает общество с деятельностью, ищущими прибыль. Для прибыль-капитала их деятельность ни в коем случае не может быть подчинена основным потребностям общества. Если производство, существующее для нужд общества, не приносит прибыли, то гибель общества от голода и нищеты не волнует капитал (в наше время миллионы людей находятся в таком положении). Например, если имеющиеся финансы хотя бы частично вложить в сельское хозяйство, то проблема голода будет решена навсегда. Однако вместо этого капитал постоянно уничтожает земледелие и действует вопреки законам ведения сельского хозяйства. Причиной этого является отсутствие или незначительная прибыльность данной отрасли. Когда деньги в большом количестве порождают деньги, то ни один капиталист не подумает о сельском хозяйстве. Характер капитала резко противоречит такого рода

мышлению. Раньше государство, будучи монополией, активно помогало сельскому хозяйству, получая взамен товар или денежные налоги. Сейчас существующие при капитализме рынки сделали бессмысленной подобную деятельность государства, иначе бы эти государства не смогли избежать от банкротства.

Следовательно, постепенное превращение капиталом большей части общества в безработных и нищих происходит не из-за временных, и обычной политики, а в силу причин структурного характера капитала. Если даже заработная плата будет крайне незначительной, в обществе все равно останется безработица, что можно понять без исследований, исходя из простых наблюдений. До тех пор, пока не будут ликвидированы политика и система прибыли, основанные на прибавочном продукте, общество не избавится от безработицы и нищеты — я еще раз повторяю, что это необходимо не только знать, но и понимать.

Почему же иначе на равнинах Месопотамии, тысячелетиями бывшей житницей всего Ближнего и Среднего Востока, а 15000 лет кормившей, как мать, неолитическое общество, сейчас властвуют безработица, голод и нищета? Если организовать производство, не ставя во главу угла прибыль, то, учитывая современное развитие техники, вполне можно накормить около 25 млн., если не более, человек. Эти равнины и люди нуждаются не в праздной руке капитала, а, наоборот, в том, чтобы эта рука, являющаяся единственной причиной безработицы, голода и нищеты, оставила людей в покое. Необходимо лишь одно: чтобы земля принадлежала истинным труженикам. Это — революция в общественном сознании, создающая необходимые условия, чтобы общественная нравственность и политика вновь, как главные ткани и органы, выполняли свои функции. По этим же причинам демократическая политика должна со всей своей мощью выполнять интеллектуальные обязанности.

5. Проблема индустриализации общества

Промышленная революция важна не менее сельскохозяйственной. В конце XVIII — начале XIX века сельское хозяйство, используя опыт тысячелетий, сделало качественный скачок, и до наших дней продолжила свой колеблющийся курс. Невозможно точно сказать, где, когда и каким образом она будет остановлена. Эта революция, обладая такой способностью, как взрыв аналитического ума, в принципе сама является продуктом этого ума. Она находится под однозначной властью капитала. Не вызывает никаких сомнений, что сам капитал во многом и не является изобретателем индустриальных средств, но для того, чтобы превратить их в индустриальные средства, постоянно тщательно следил за ними, при необходимости переводя их в свою собственность. Серийное, дешевое по себестоимости производство постоянно являлось для общества возможностью развития. Столь же, как и ум, ценна индустрия, стоящая на службе у общества. Проблема не в самой индустрии, а в способе ее использования. Индустрия — это почти что ядерная энергия. Если она используется в интересах монополий, то может превратиться в орудие, больше всего

угрожающее жизни, от экологических бедствий до войн. Наконец, как сегодня стало всем известно, применение с целью извлечения прибыли ускоряет разрушение окружающей среды. Он усиленно набирает обороты в направлении виртуального общества. Вместо человека часто используются роботы. Если так будет развиваться и дальше, то человек сам по себе окажется ненужным.

Единым является мнение о том, что даже в сегодняшнем состоянии общества не только само общество, но и весь живой мир оказался под угрозой. Необходимо особо подчеркнуть, что огульное объявление индустрии явлением, ответственным за такое развитие, — полнейшее заблуждение. Сама по себе индустрия — это нейтральное явление. Индустрия, превращенная в единое целое с мотивацией существования, однозначно сыграет определяющую роль в превращении всего мира в «третью природу» для человека, даже для всей жизни. Она несет в себе такой потенциал. Если это будет так, то следует восхвалять индустрию. Но если индустрия в большей степени станет подконтрольной прибыли и монополиям, то может превратить мир в ад для всего человечества, за исключением горстки монополистов. В конце концов, сегодня процессам определенно придается именно такое направление. Нельзя отрицать, что данный ход событий ввергает человечество в пропасть глубокого волнения. Индустриальная монополия создала на фундаменте общества реальные империи. Одной супер гегемонии США противостоят десятки индустриальных гегемонов. Даже если военно-политическая гегемония будет приостановлена, то индустриальные гегемонии не так легко остановить, потому что и они уже обрели всемирный характер. Если одна страна как центр им уже кажется узкой, то они могут сразу же превратить в центр любое другое место, любую другую страну. Как знать, может завтра одна из индустриальных империй США изберет в качестве своего центра Китай? Уже сегодня заметно, что, как только условия станут благоприятнее, это постепенно окажется возможным.

Индустриализм очень сильно ударил по земледелию. Земледелие, являющееся истинным элементом человеческого общества, средством его существования, переживает серьезный упадок перед индустрией. Эта священная деятельность, поддерживающая существование человечества на протяжении пятнадцати тысячелетий, сегодня предоставлена самой себе. Земледелие готовят к тому, чтобы перевести под господство индустрии. То, что индустрия, преследующая цель извлечения прибыли на монопольной основе, пытается проникнуть в земледелие, нельзя объяснять как серийное, обильное производство, как это принято порой считать. Манипуляция с генами приведет к тому, что под руками индустриальных монополий земля превратится в материнское лоно, напичканное искусственными плодами. Как искусственное оплодотворение не может обеспечить здоровую беременность и материнство, так и засев почвы генномодифицированными семенами не может обеспечить нормальное плодородие земли. Индустриальные монополии готовят эту яростную атаку на земледелие. Возможно, что история человечества переживет самую большую контрреволюцию именно в земледелии, и даже уже начала переживать этот процесс. Земля и земледелие не могут быть только каким-либо средством производства или производственными отношениями; это неотъемлемая часть общества, не допускающая каких-либо манипуляций. Человеческое общество сформировалось преимущественно на почве земли и земледелия. Отрывая его от этих сфер и регионов производства, люди подвергаются самому большому удару по существованию. Города, разрастающиеся как

раковая опухоль, уже сегодня раскрывают эту угрозу во всем ее неприкрытом состоянии. С большой долей вероятности можно предположить, что освобождение произойдет на обратном пути — это движение возврата от города к земле и земледелию. Основным лозунг этого движения будет определен как «или земля и жизнь, или смерть». Механизм прибыль-монополия, объединив индустрию с землей, тем не менее, не связывает их дружескими, симбиотическими отношениями. Горы противоречий, накапливаясь, превращают их во врагов.

Классовые, этнические, национальные и идеологические противоречия в обществе могут привести к столкновениям и войнам. Но это не те противоречия, которые невозможно было бы устранить. Как были созданы они руками человека, так и разрешаются самим же человеком. Противоречия между индустрией, являющейся инструментом монополии, и землей и земледелием, выходят за рамки контроля человека. Земля и земледелие являются экологическим явлением на протяжении миллионов лет. В случае нарушения этого баланса человек не сможет его восстановить. Поскольку и земля не сотворена руками человека, на сегодняшний день невозможно создать искусственные продукты земледелия и прочие живые существа, например, растения. Но эти явления реализовались на фоне человека, и нет никакого смысла и возможности повторять то, что уже было совершенно.

Поскольку это глубокая философская тема, не буду в нее особо углубляться. Но скажу только, что если фараон пытался готовить свое будущее в виде погребений пирамидального типа, то стиль роботизации, введенный индустриализмом, действует, но будущего не создаст. Это вообще является неуважением к человеку как таковому. Какой смысл создавать роботы и копии, если есть такая величественная субстанция, как природа? В данном случае мы в очередной раз сталкиваемся с жадной прибылью, которая овладела капиталом. Скажем, роботы осуществили самое дешевое по себестоимости производство. Но на что они нужны без пользователя? Индустриализм является в этом отношении самым эффективным инструментом создания безработицы в обществе; это самое крупное оружие капитала в борьбе с производительностью общества. Капитал часто использует индустриальное оружие в своем стремлении привлечь минимум рабочих и в манипулировании рынком по своему усмотрению на сниженных ценах. Он делает неизбежным кризисы перепроизводства, являющиеся основным фактором монополистского ценообразования и безработицы. В итоге жертвами этих кризисов становятся гниющие товары и миллионы безработных, голодных бедняков

Природа общества может продолжить свое существование только в тесной связи с окружающей средой, являющейся продуктом миллионов лет развития в благоприятном пространстве. Ни одно индустриальное образование, ни одно из чудес света не может заменить окружающую среду. Уже сегодня транспорт на земле, в воздухе, море и космосе достигло масштабов бедствия. Индустрия, развивающаяся при помощи углеводородного топлива, постоянно отравляет климат и окружающую среду. Ответом на эти бедствия становится накопление прибыли протяженностью в двести лет. Но разве это накопление стоило таких разрушений? Ведь разрушения, переживаемые по этой причине, случались не вследствие тотальных войн, а человеческие жертвы имели место не в силу объективных или субъективных причин.

Индустриализм, являясь монополистской идеологией и механизмом, представляет собой одну из фундаментальных проблем общества. Необходимо добиться от него глубокой ответственности. Для этого достаточно всего лишь опасности, возникновению которой способствует индустриализм. То, что чудовище разрастается и выходит из-под контроля, может сделать бессмысленными и запоздалыми любые меры. Для того, чтобы предотвратить обезличивание общества и его превращение в виртуальное состояние, наступило самое время вырвать это чудовище из рук монополий и сначала приручить его, а потом сделать другом природы общества.

В борьбе с индустриализмом необходимо отделить монополистскую идеологическую структуру индустриальной техники и ее применение от общих интересов общества, соответствующей структуры и стиля применения, что в этом плане является наиболее важной задачей научной деятельности и идеологической борьбы. Не стоит ожидать успешного достижения целей группой людей, считающих, будто они ведут борьбу против индустриализма независимо от социального и классового статуса на почве гуманизма и человечности. Эти группы не могут избежать той ситуации, когда окажутся на службе у индустриализма, который в форме монополизма объективно противоречит их интересам. Индустриализм обладает гораздо большим идеологическим, милитаристским и классовым характером, нежели это принято считать. Идеологически это наука и техника. Даже будучи использованной в этой ипостаси, индустриализм представляет наиболее опасные стороны науки и техники. Индустриальное чудовище возникло не само по себе. Напомним: буржуазия Англии, начиная свой исторический империалистический путь на острове, в Европе и во всем мире, была тем самым классом, который и организовал, и наиболее содержательно и ускоренно использовал индустриализм. Индустриализм в дальнейшем стал единым оружием буржуазии всех стран, поочередно. В XIX–XX вв., ставших наиболее индустриальными столетиями в тройственном союзе финансы-торговля-индустрия, господство буржуазии, развивавшееся в мировом масштабе, открыто подтверждает эти реалии.

Жаль, что Карл Маркс и движение социализма, объявив некапиталистическое общество консервативным и посчитав союз с промышленной буржуазией стратегическим, пусть и неумышленно, но стали, возможно, самым трагичным из всех движений на протяжении истории, что объективно оказалось предательством всмысловом отношении. Это заставляет вспомнить, как христианство, которое на протяжении трех столетий было религией мира, вступив в союз с государством и властью, объективно и во многом умышленно противостояло собственным целям и стало предательством в отношении этой веры. Христианство тоже, в конечном счете оказавшись в паутине монополии власти, стало противоречить цели своего возникновения и не избежало участи превращения в религию цивилизации. Что касается ислама, то это имело место еще при жизни пророка Мухаммеда. В результате, они, сложили оружие перед натиском индустрии власти.

Если сегодня во имя сохранения окружающей среды все человечество стало беспокоиться так, будто приблизились последние часы, то социально-исторические и классовые аспекты этого факта оно должно воспринимать в свете аналогичных примеров, как движение общества за свое существование, и бороться за это так, будто это новое священное движение за веру. Насколько невозможно погасить огонь огнем, настолько же невозможно

вести экологическую борьбу, не призвав к ответу жизнь в болоте индустриализма, не отказавшись от такой жизни. Если мы не хотим пережить новых трагедий христианства, ислама и социализма, то необходимо извлечь уроки и правильно вести научно-идеологическую, нравственно-политическую борьбу.

6. Экологические проблемы общества

Ясно, что проблема индустриализма является и частью, и основной причиной экологической проблемы. Но рассмотрение этих проблем под единым названием может означать повторение. Экология — это социальная и проблематичная тема, имеющая большее значение, нежели индустриализм. Хотя само данное понятие означает «наука об окружающей среде», в основном это наука, анализирующая тесную связь между социальным развитием и окружающей средой. Когда проблемы окружающей среды подали сигнал тревоги, они стали актуальными; угрожающие сигналы были превращены в линию отдельного изучения, потому что этот вопрос оказался на повестке дня истории, мира и общества не как созданная обществом проблема индустриализма, а как последнее последствие монополий цивилизации.

Возможно, ни один вопрос не был столь значимым в плане того, что выявил истинное лицо системы прибыль-капитал (организованные сети) и поставил на повестку дня всего человечества. Баланс прибыли и капитала как единого целого всех военных, экономических, торговых и религиозных монополий в ракурсе системы цивилизации — это не просто распад общества со всех сторон (безнравственность, аполитичность, безработица, инфляция, проституция и т. д.), а полнейшая опасность, нависшая над окружающей средой вместе со всем миром живых существ. Что, кроме этих реалий, может так же ярко подтвердить то, что монополизм является антиподом общества?

Если даже часть мышления и гибкости будут признаны самой высокой природой в сравнении с другими живыми существами, то человеческое общество, в конце концов, тоже следует воспринимать как одушевленную субстанцию. Это — мир, продукт эволюции очень тонко организованной атмосферы, мира растений и животных. Организация мира климата и атмосферы, растений и животных, свойственная нашему миру, действительна и для человеческого общества, поскольку является единством всех компонентов. Это очень тонкая организация, в которой существует тесная связь всех составляющих, едва ли не единая цепочка. Подобно тому, как цепочка с одним разъятым звеном становится непригодной, цепь эволюции, если одно важное звено в ней исчезает, тоже испытывает неизбежное воздействие на весь ход процесса. Экология — наука обо всех этих процессах. Именно по этой причине она очень важна. Любая поломка, вызванная какими-либо причинами во внутренней организации общества, может быть устранена руками человека. Наконец, социальная действительность — тоже реалии, созданные руками человека. Но окружающая среда — это совершенно иное дело. Если вследствие изобретательности некоторых групп, происходящих из недр общества, точнее, вышедших из недр общества и организовавшихся над ним при помощи финансовой монополии, будут сильно разорваны звенья цепи, представляющие собой элементы окружающей среды, бедствия в процессе эволюции могут поставить всю окружающую среду, в том числе общество, перед угрозой

конца света.

Следует не забывать о том, что звенья окружающей среды на протяжении миллионов лет формировались с помощью эволюции. Разрушения, имевшие место в целом на протяжении последних пяти тысяч лет, а в частности, за последние двести лет, смогли разорвать тысячи звеньев в течение отрезка времени, который можно было бы считать более кратким. Началась реакция распада. И невозможно решить, как это можно остановить. Предполагается, что загрязнение атмосферы, вызванное газами, в первую очередь, углекислым газом (CO₂), не может быть очищено за сотни, даже тысячи лет. Итоги постепенного исчезновения мира растений и животных, возможно, еще не выявлены полностью. Но ясно, что они подают сигнал СОС, по меньшей мере, так же, как и атмосфера. Загрязнение морей и рек, превращение земель в пустыни уже сегодня достигли пределов бедствий. Все эти упоминания являются не итогом естественного дисбаланса, то есть действующего движения к концу света, а отражением того, что сделали с обществом группы, организовавшие в виде корпоративных сетей. Безусловно, в этом процессе прозвучит ответ, который даст природа, потому что и природа является живым мышлением. У природы тоже есть пределы терпения. Ее сопротивление выявится в нужном месте и в нужное время, и когда наступят это время и место, природа не посмотрит на слезы людей, потому что все будут нести ответственность за предательство, совершенное против собственных способностей и подаренных им ценностей. Разве не это имеется в виду под концом света?!

Здесь моя цель заключается не в том, чтобы добавить к сценариям бедствия новые. Но, как каждый член общества, за которого оно обязательно должно нести ответственность, с необходимым чувством долга, а также нравственными и политическими задачами, которые являются причинами моего существования, я считаю своей задачей говорить и делать все, что могу.

В истории человечества есть очень много преданий о судьбах немродов и фараонов, заточивших себя в собственные башни и пирамиды. Причина ясна. Как бы то ни было, но немроды и фараоны, на уровне как личности, так и института, представляли собой МОНОПОЛИИ. Да, в древности они были наиболее выдающимися примерами финансовых монополий, постоянно гонявшихся за прибылью. Как же они похожи на монополии, сконцентрировавшиеся в ПЛАЗЫ современных городов! Между ними, естественно, есть различия, если не в сути, то в форме. Башни и пирамиды, несмотря на все свое величие, не могли бы состязаться с современными «плазмами». Что касается численности, то тут вообще не может быть никакой конкуренции. Если собрать все вместе, то численность фараонов и немродов не превышала несколько сотен; но численность современных «фараонов» и «немродов» уже сегодня перевалила за сотни тысяч. В Древнем мире человечество не смогло нести на себе тягот, вызванных несколькими фараонами и немродами. Оно просто стонало от тягот и молчало. Но сколько человечество сегодня будет нести на себе бремя современной армии фараонов и немродов, численность которых перевалила за сотни тысяч, и из-за которых окружающая среда и общество просто обречены на упадок? Как оно будет преодолевать боль и страдания, причиняемые войнами, безработицей, голодом, бедностью, которым эти фараоны и немроды способствовали?

Говоря о том, что историческое общество является единым целым, мы хотели еще раз озвучить эти реалии в свете эволюции. Разве это жестокие и незначительные реалии?

Наука современного капитализма очень уверовала в себя в силу своей позитивистской структуры, и посчитала, что крупные фактологические открытия — это абсолютно все. Абсолютная истина стала читаться состоящей из поверхностных знаний о фактах и возникла уверенность в том, что начался процесс бесконечного продвижения вперед. Но как можно объяснить, что перед своим носом наука не увидела бедствие, постигшее окружающую среду? Чем можно объяснить то, что не предусмотрены и не реализованы серьезные практические усилия в отношении всех социальных бедствий, в первую очередь, войн, разгоравшихся на протяжении последних четырех столетий? Как назвать то, что наука не только не препятствовала войне, проникшей во все щели общества, но и не смогла точно установить истину? Ясно, что в эпоху максимальной гегемонии монопольного господства эта наука, несмотря на противоположные утверждения, не смогла бы ответить на эти вопросы, имея структуру, больше всего испытывающую на себе идеологическое окружение и позволяющую лучше всего соответствовать системе. Наука, чья структура, цель и способы объявлены и организованы с целью легализации системы, продемонстрировала то, что она не столь эффективна, как религия. Но следует понять и то, что не существует науки без идеологической подоплеки. Важно то, идеология какого общества и класса воспринимается наукой и определяет ее статус. Если экология, как одна из новейших наук, определит свои позиции в этих границах, то станет таким решением, которое будет соответствовать не только требованиям окружающей среды, но и социальной природы.

7. Проблема социального сексизма, семьи, женщины и населения

Восприятие женщины всего лишь как представителя человеческого вида, обладающего биологическими различиями, является основным фактором слепоты в вопросах социальной действительности. Половые различия сами по себе не могут стать причиной какой-либо социальной проблемы. Подобно тому, как дилемма в каждой частичке космоса не создает проблем ни для одного из существ, так и в существовании человека дилемма не может восприниматься как проблема. Ответ на вопрос: «Отчего существо дуалистично?» — может быть только философским. Онтологические (наука о бытии) исследования могут дать ответ на такой вопрос, это не проблема. Мой ответ таков: существо не может существовать иначе, чем в двойственной форме. Двойственность — это возможный способ существования. Даже если бы женщины и мужчины жили не так, как сейчас, а без пары (без супруга), все равно не спаслись бы от этой двойственности бытия. В этом и заключается явление, называемое двуполостью. Не стоит удивляться, но формирование постоянно склоняется к дуализму. Почву, которую ищут для доказательства универсального разума (Geist), можно найти в этой тенденции к дуалистичности. Обе стороны дилеммы ни хороши, ни плохи; они просто различны, должны различаться. Если дилемма становится тождеством, то нет бытия. Например, усилиями двух женщин или двух мужчин нельзя решить проблему воспроизводства жизни. Следовательно, вопрос «почему женщина или мужчина?» не имеет

никакой ценности, или же, если даже на этот вопрос будет найден ответ, он должен быть философским, в стиле «оттого, что именно так надлежит развиваться Вселенной».

Изучение женщины как концентрации социальных взаимоотношений по этой причине станет не просто осмысленным шагом, но получит большое значение с точки зрения разрешения социальных узлов. Поскольку мужчина получил иммунитет свободного взгляда, разрушение слепоты, имеющей место в отношении женщины, стало бы своего рода расщеплением атома. Отказ от этой слепоты требует больших интеллектуальных усилий и разрушения имиджа суверенного мужчины. Что касается женского фронта, то решение проблемы женщины, превращенной чуть ли не в способ существования, и, по сути, созданной в социальном аспекте, требует такого же разрушения сложившегося шаблонного стереотипа. Все разбитые мечты (нереализованность утопий, программ и принципов) в борьбе за свободу и равенство, демократической, нравственной, политической и классовой борьбе несут на себе отпечаток непогрешимости суверенитета мужчины, его власти. Взаимоотношения, становящиеся почвой для любого рода неравенства, рабства, деспотизма, фашизма и милитаризма, черпают свою силу именно в этой форме отношений. Если мы хотим обогатить такие термины, как «равенство», «свобода», «демократия», «социализм», еще и реалиями, которые не разрушат мечту, необходимо развязать и разрубить ту сеть взаимоотношений, которая сплетена вокруг женщины и стара, как взаимоотношения между обществом и природой. Кроме этого нет никакого иного пути, который приведет к реальной свободе, равенству (соответствующему различиям), демократии и нравственности, которая не будет двуличной.

Сексизм, начиная с формирования иерархии, был загружен смыслом авторитарной идеологии. Это очень тесно связано с классовым расслоением и формированием власти. Все археологические, антропологические и современные исследования и наблюдения свидетельствуют о том, что были периоды, когда женщина являлась источником власти, и эти периоды длились довольно длительное время. Эта власть не была властью, построенной на прибавочном продукте, напротив, была властью, повышавшей производительность и рождаемость, усиливавшей социальную жизнедеятельность. Чувственное мышление, достигавшее у женщины большего эффекта, имеет тесные связи с этим бытием. Именно с этим статусом женщины связано то, что у нее отсутствовало четко определенная роль в войнах, развязанных для обладания прибавочным продуктом; способ ее социального существования был иным.

Исторические исследования и современные наблюдения открыто свидетельствуют о том, что мужчина сыграл передовую роль в развитии власти, связанной с иерархической и этатической системой. Для этого необходимо было разрушить и преодолеть власть женщины, развивавшуюся вплоть до последней стадии неолитического общества. Опять же, исторические открытия и современные наблюдения подтверждают, что в связи с этим велась борьба, длительная и разнообразная по форме. В частности, шумерская мифология проливает свет на все эти факты в виде исторической памяти и социальной природы.

История цивилизации одновременно является историей утраты женщины. Это — история укрепления суверенитета мужчины в совокупности с богами и слугами, господами и двором, хозяйством, наукой и искусством. Стало быть, потеря и утрата женщины становится

огромной потерей и утратой для общества. Сексистское общество становится итогом этой потери и утраты. Когда мужчина — сексист установил социальную власть над женщиной, он был настолько неумерен в своих аппетитах, что любой естественный контакт с женщиной становился демонстрацией собственного суверенитета. Даже такое биологическое явление, как половой контакт, постоянно загружалось смысловыми оттенками власти. Мужчина никогда не забудет того, что установил половой контакт с женщиной под музыку победы. Сформировалась сильная привычка такого рода. Мужчина изобрел кучу высказываний— «поимел, трахнул, употребил, шлюха», «загрузи ее чрево плодом, а спину плугом», «уличная девка», «женоподобный юноша», «без мужика и дня не проживет» и подобные бесчисленные выражения и поговорки. Вполне очевидно то, как властные отношения в половом аспекте обретают эффект в обществе. Даже сегодня является социологической реальностью то, как мужчина обладает бесчисленными правами в отношении женщины, включая так называемое «право на убийство». Эти «права» применяются ежедневно. Взаимоотношения в подавляющем своем большинстве носят характер насилия и агрессии.

В этой социальной связке семья была построена как маленькое государство мужчины. В истории цивилизации постоянное совершенствование института семьи действующим способом происходит по причине той великой мощи, которую она передала механизмам власти и государства. Во-первых, институализируясь в форме власти вокруг мужчины, семья превращается в клетку государственного общества. Во-вторых, мужчина обезопасил себя благодаря безграничному безвозмездному труду женщины. В-третьих, растит детей и способствует демографическому росту. В-четвертых, будучи моделью определенной роли, распространяет во всем обществе рабство, упадничество. Такое содержание понятие «семья», в сущности, несет в себе определенную идеологию. Это институт, обретший действенность благодаря идеологии династии. Каждый мужчина позиционирует себя в семье в качестве правителя определенного ханства. Эта идеология династичности лежит в основе восприятия семьи как очень значительной действительности. Чем больше женщин и детей в семье, тем больше уверенности и достоинства это придает мужчине. Очень важно считать семью в ее действующем состоянии неким идеологическим институтом. Если убрать женщину и детей изпод фундамента системы цивилизации, власти и государства в существующем виде, то там мало что останется. Но цена этого способа — это образ жизни женщины, обреченной на боль, бедность и вечные поражения в нескончаемой, вялотекущей, но постоянной войне. То, что финансовые монополии на протяжении всей истории цивилизации проделывают с обществом, сейчас параллельная, вторая цепь монополии воплотила в виде «мужской монополии» над миром женщины. Кроме того, это самая старая и сильная монополия. Если рассматривать существование женщины как древнейшую колониальную зависимость, то это приведет к более реалистичным итогам. Может быть, правильнее всего считать женщин самым древним колониальным народом, так и не ставшим нацией.

Современный капитализм, несмотря на все либеральные системы, не только не смог довести оставшийся издревле статус женщины до уровня свободы и равенства, но, загрузив ее дополнительными обязанностями, уготовил ей более тяжелый статус. Такие статусы, как самая низкооплачиваемая рабочая, домработница, бесплатная рабочая сила, мастерица на все руки, служанка, свидетельствуют об усугублении ее положения. Более того, эксплуатация в качестве инструмента рекламы усилила эксплуатацию женщины. Даже ее

тело, став средством различной эксплуатации, воспринимается в качестве товара, от которого не откажется капитал. Женщина стала средством стимулирования рекламной индустрии. По сути, она является наиболее плодотворным представителем современного рабства. Разве можно представить себе товар, который и был бы инструментом безграничного удовольствия, и стоил намного дороже самого ценного раба?!

Проблема роста населения тесно связана с сексизмом, семьей и женщиной. Чем больше населения, тем больше капитала. Статус домохозяйки — это своего рода фабрика по производству населения. Также можно назвать фабрикой по производству наиболее необходимых ценных товаров, «плодов» для системы. К сожалению, под натиском монополистского суверенитета мужчины семья была загнана в рамки данного статуса. Если все трудности повешены на женщину, то стоимость товара становится самым ценным подарком системе. Возрастающее население скорее всех погубит именно женщину. Так происходит и в идеологии династии. Семейственность, являющаяся излюбленной идеологией наших дней, — это последняя стадия, которой достигла династия. Все эти обстоятельства в большинстве своем сливаются с идеологией национального государства, с излишком. Что может быть лучше, нежели постоянное воспитание детей для национального государства? Чем больше население национального государства, тем больше мощи, стало быть, под демографическим взрывом кроются интересы четко организованных финансовых и мужских монополий. Тяжести, печали, клевета, боли, обвинения, бедность, голод — все это женщине, а легкий заработок — ее «господину» и капиталу. Ни одна историческая эпоха не продемонстрировала такую, как современность, силу и способности, которых было бы достаточно для использования женщины в качестве объекта многосторонней эксплуатации. Женщина, как первая и последняя колония, переживает наиболее судьбоносные мгновения своей истории.

Дело в том, что совместная жизнь с женщиной, организованная в соответствии с философией, исповедующей свободу, равенство и демократию, обладает способностью обеспечить красоту, доброту и правду на замечательном уровне. Лично я считаю жизнь с женщиной в существующем статусе не только очень проблематичной, но и дурной, недопустимой и ошибочной. Еще в годы детства существующий статус женщины воспринимался мной как совершенно неприемлемый и оскорбительный. Речь идет о жизни, которая будет подчинена инстинкту, столь же сильному, что и половой. Половой инстинкт определяется продолжением жизни. Это — чудо природы, которое должно обладать священным характером. Но монополия финансов и мужчин настолько изуродовало женщину, что это чудо природы превращено в такую структуру, как «фабрика плода», производящую столь же низкопробный товар. Общество, поставленное при помощи этого товара с ног на голову, под тяжестью проблем окружающей среды и населения переживает ежеминутный распад; сейчас население составляет шесть миллиардов, но если рост будет столь же быстрым, то в скором времени придется задуматься об окружающей среде при пятидесяти миллиардах. Безусловно, жизнь с женщиной, родившей тебе ребенка, по своей сути святое явление, доказательство вечности жизни. Это дает возможность ощутить бесконечность. Может ли быть что-либо ценнее этого? Любое живое существо испытывает при этом такое волнение, которое приобщает его к бесконечности. В частности, для современного человека данная ситуация выглядит, по выражению одного сказителя, следующим образом: «Плоды наши становятся нашей головной болью». Нельзя отрицать

того, что в очередной раз сталкиваемся с безнравственностью, уродством и ошибочностью монополии капитала и мужчины, противоречащей «первой» и «второй» природе.

То, что построено руками человека, может быть разрушено его же руками. В данном случае не действуют ни закон природы, ни какое-либо предписание. Речь идет о разложении монополий, ставших канцерогенным и генно-модифицированным пристанищем компаний, «коварного и хитрого» человека. Я глубоко, в той мере, насколько это было возможно, осознал всю важность сознательной жизни гармоничной пары. Я осмелился на первое место в любых отношениях с женщиной значимость, прежде всего, общения, обсуждения того, где, когда и какое количество существует нарушений, а также проблемы их устранения. Безусловно, одним из краеугольных камней моего философского поиска является женщина — просто сильная, мыслящая, способная принять разумное, красивое и правильное решение, тем самым восхищая и покоряя меня, способная стать моим равным мне собеседником. Я поверил в то, что самые яркие и верные стороны жизненного потока Вселенной обретут рядом с такой женщиной свой смысл. Но, в отличие от многих мужчин, мои убеждения никогда не позволили бы мне идти по жизни вместе с товаром «мужчины и капитала», с Хурмузой, имевшей добрую сотню мужей. В таком случае понятие «феминология» (наука о женщине) может лучше, чем феминизм, служить поставленной цели.

8. Проблема урбанизация общества

Другое название цивилизации — это культуризация. Поарабски «цивилизация» звучит как «урбанизация». Проблемы, порожденные урбанизацией, ни количеством, ни значимостью не уступают проблемам экологического характера. Эта проблема сегодня в ряду основных источников угрозы. Что же привело город в такое состояние?

В прямом понимании формула «город-класс-государство» может иметь упрощенный характер. Но ведь это искажает глубину смысла и многосторонний характер проблемы! Человечество, возводя города в таком же количестве, что и сельские поселения, считало, что это соответствует природе общества, и потому реализовывало это на практике. Город стоит во главе тех мест, где концентрируется социальное мышление. Город стимулирует мыслительные способности человека, выявляет их. Разум развивался в тесной связи с городом. Город — это то место, где человек понимает, на что он способен. Город приносит человеку уверенность, а человек, верящий в себя, мыслить более разумно. Мысль открывает путь к новым находкам, развивает методы и технику повышение производства. Испытавший все это человек считал город источником света и постоянно стремился в город. Развитие города вокруг храма связано с тем, что в свое время храм считался местом концентрации Божественного Разума и Духа. Общество скорее склонно находить и создавать в храмах разум и национальное самосознание. Все, что мы сказали, являются значимыми аргументами в пользу города.

Как и в любой действительности, другое лицо города продемонстрировало себя с самого рождения: это классовое расслоение и этатизация. Материальной основой классового расслоения, несомненно, является возрастающая производительность. Те из горожан, кто обладал развивающимся интеллектом, с помощью опыта научились тому, что путем

увеличения численности населения и его эксплуатации на плодородных землях они смогут гораздо больше удовлетворять потребности людей в пропитании. Оставалось только систематизировать данное умозаключение. Система — это своего рода государство монопольного характера. Пусть и в масштабе города, но ясно, что эта новая система зародилась как аграрная монополия. В этом плане шумерские города раскрывают все достаточно очевидно. Ряд цивилизаций, таких, как Египет и Хараппа, зародились как аграрные монополии. Это были механизмы систематизации производства. Когда достаточное производство дошло до такого уровня, что могло предложить прибавочный продукт людям, численность которых вдвое больше работающих лиц, это означало зарождение материальной базы государства. Явление, называемое государством, — это, в сущности, те, кто живет за счет излишков производства. Гораздо правильнее было бы назвать государство организацией, собирающей излишки производства. Город стал благоприятным для этого местом. Такого рода связи в высшей степени сложно представить в структуре родоплеменного и сельского общества: сама структура рода и села не благоприятствует этому. Именно данная действительность лежит в основе факта зарождения государства в недрах города. Таким образом, человечество встречается в городе с явлением эксплуатации, втягиваясь в доселе совершенно незнакомую форму взаимоотношений. Новое искусство уже называется «государственность». Чем только не может овладеть тот, кто держит в своих руках этот рычаг! Оно стало воротами в мир огромных интересов. Даже раб в условиях государственной безработицы понял, что для него сейчас гораздо лучше и спокойнее. Говорить о том, что его труд полностью был насильственным, из-под палки, было бы преувеличением. Примерно такова повесть о рождении города.

Несмотря на ряд проблем (организация эксплуатации и сильных людей), ясно, что город стал революционным шагом в рациональном развитии общества. Аристотель считал, что идеальная численность населения города — это пять тысяч человек. Города в период своего зарождения имели именно такое население. Речь идет о новом составе людей. Человек уже вышел за рамки родоплеменного общества. Люди, приходящие в город из различных родоплеменных сообществ, связываются между собой узами, которые мы называем «городским гражданством». Появляются такие понятия, как «городской люд», «земляки-горожане», «городчане». Эти процессы свидетельствуют об обогащении общества. Город в этом виде становится инструментом развития. Он еще не является источником серьезных проблем. В Древнем мире, за некоторым исключением Вавилона и Рима, особо не наблюдается городов с демографическими проблемами. Благодаря социальному превосходству город постоянно повышает свою притягательность. Если шумерская модель разрасталась, как снежный ком, то Египет строил малые и самобытные города. По сути, Египет беспрецедентен в истории как полугородская и сельская цивилизация. Активное развитие получили торговля и ремесло. Структуры, формирующиеся в комплексе дорог, архитектуры, спорта, искусства, дворцов вокруг храма, расширяются в направлении новых образований. Многие города строятся вокруг военных гарнизонов. В частности, римские гарнизоны представляли собой костяк городов. Историки свидетельствуют о том, что в тот период на десять сел приходился, по меньшей мере, один город, то есть между ними существовали симбиотические отношения (взаимная польза). Стало быть, тогда еще между городами и селами и не было никаких проблем.

Последний величественный город античности, Рим, возможно, заключал в своих недрах все проблемы эпохи. И это довело Рим до положения как самого величественного, так и самого проблематичного города цивилизации. Здесь можно было встретить все классы и сообщества (аристократию, рабов, легионеров, различные этнические и религиозные группы, различные расы). Старые классы и сообщества были представлены в виде осколков прошлого, а новые в виде эмбриона. С другой стороны можно было встретить различные формы нравственности, политики и управления. Здесь испытывались все формы монархий, республики и демократии (в масштабе всей империи). Можно было встретить все виды обломков и зачатков науки, искусства, философии и религий. Рим действительно был экуменическим, вселенским городом. Одним из значений поговорки о том, что все пути ведут в Рим, была именно эта действительность. Этот город был отражением апогея центральной цивилизации, насчитывающей пять тысяч лет, и падение его было достойно величия. Две колоссальные силы, ставшие головной болью цивилизации, коими были беднейшие слои христианства и группы, все еще сохранявшие активную действенность своего этноса (называя их «варварами», мы попадаем в западную терминологию цивилизации), волнообразным натиском изнутри и извне положили конец существованию города. 476 г. н. э. — не только дата падения лишь города Рима, это история разложения, упадка и распада тридцатипятивековой древней и античной эпохи, символом которой был этот данный город.

Период, называемый Средневековьем, так никогда и не достиг уровня античной эпохи в отношении урбанизации. Средневековые города с башнями и стенами были равномерными и очень небольшими. Средневековые города являлись своего рода логовом княжеств и удельных сюзеренов. Сконцентрированные вокруг города немногочисленные ремесленники и дворцовые слуги несли в себе потенциал развития. Несмотря на то, что торговый класс осуществил первое ускорение в плане достижения роста и величия, трудно было встретить здесь такие городские постройки, способные сравниться с такими городами, оставшимися с прошлых эпох, как Рим, Александрия, Антиохия, Дара-Нусайбин, Урфа-Эдесса. Даже если они и обладали преимуществом в численности, то в плане архитектуры и функциональности (храм, театр, суд, агора, ипподром, амфитеатр, баня, канализация и другие общественные сооружения) даже не приблизились к величию старых городов. Средневековье — это то же, что и шатровая цивилизация и города, построенные на руинах Древнего мира и античности. Теперь уже город был далеко от статуса, позволяющего обладать преимуществом в сравнении с сельской местностью. Это были своего рода островки в океане формирования села. Несмотря на то, что в их структуре существовали противоречия, свойственные власти и классам, города не создавали проблему для окружающей среды. Система цивилизации постепенно загрязняла окружающую среду в целом, и причиной являлись финансовые монополии. Засоление земель было связано с аграрными монополиями. Такая ситуация продолжалась до конца XVIII века и усугубила все проблемы.

Настоящий кризис урбанизации стал очевидным в результате промышленного переворота, индустриализма XIX века. Это отнюдь не случайность и связано с антисоциальной природой индустриализма. Наиболее важная сторона города, порождающая проблемы с экологической точки зрения, — это диалектика, оторванная от окружающей среды. Село живет вместе с окружающей средой. Оно всем своим существованием обязано окружающей среде и знает, что является ее продуктом. Вместе с растительным и животным миром,

разговаривая почти на языке окружающей среды, село продолжает свою жизнедеятельность. Сформировался общий язык — язык земледелия. Сам процесс создания общества несет на себе отпечатки этого языка. В городе же положение прямо противоположное. Город постепенно отрывается от земледелия и окружающей среды. Он развивает новый язык — язык города. У него есть свой рационализм. Постепенно ослабевает связь города с разумностью окружающей среды. Городской язык связан с торговлей, ремеслом, промышленностью, финансовыми вопросами, являясь организацией их разума, науки, он и сам организован ими. Таково новое диалектическое развитие языка. Ясно, что в данном случае имеют место язык и мышление, загруженные противоречиями, отчуждением. Урбанизация того периода включает в себя акценты и культуру, представляющие древнее земледельческое общество и его распространенные кланы, родоплеменные союзы, народности и сельских жителей. В городе создавался специфический язык науки, искусства, религии и философии. Сформировались две основные категории классов — это аристократия и все прочие. Но понятия «горожанин» еще не обрело своей идентичности. Данная ситуация представляет собой нечто близкое продолжению всего общества.

XIX и XX столетия полностью нарушили исторический баланс. Несомненно, такое положение наступило не сразу. Вторичное возвышение городов Апеннинского полуострова в X–XVI вв. (Венеция, Генуя, Флоренция, Милан и другие) стало отражением переноса в XIII веке торговой революции в Европу через Италию. Итальянские города первенствовали в ходе этого процесса. В период Ренессанса они стремились заново возвыситься на наследии Рима. В самих городах и между ними имело место яростное соперничество. Происходил спор за первенство на новой стадии цивилизации. Вся прежняя жизнь ожила едва ли не заново, но новые условия повернули ход развития процессов. Новый Рим не мог быть создан путем подражания: урбанизация могла стать только бледной копией Рима. Не достигнет успехов ни централизованная монархия, ни опыт национального государства. Но бесспорным является то, что благодаря Ренессансу итальянские города в X–XVI вв. предводительствовали в Европе. Они сыграли эту роль как в церковном аспекте (экуменический католицизм), так и в светской, секулярной тенденции.

Первый этап городской революции в Германии начался усилиями союза ганзейских городов (примерно 1250–1450 гг. н. э.), и осуществил свою торговую революцию. Второй период (1400 гг. н. э.) определялся мануфактурным этапом. Городская конфедерация развернула серьезную борьбу против централизации. Эта борьба и восстания, в которых сыграли роль многие группы крестьян и представители зарождающегося класса рабочих, в основном ремесленники, продолжалась около четырех столетий. После кровавого процесса эти первые опыты городских и сельских демократических союзов в силу различных причин (идеологических, организационных, лидерских) были побеждены тенденциями централизованной монархии и национального государства. Если бы это было не так, история Европы могла сложиться иначе. Сегодняшняя федеральная Германия переживает очень медленный поворот к этой древней модели после буржуазного национально-государственного фашизма, но в форме не демократической, а буржуазной конфедерации.

Настоящий фурор произвели города Англии и Голландии. В данном случае определенную роль сыграли тесные связи центров трех революций. Торговые, финансовые и промышленные перевороты достигли настоящей победы и апогея в Амстердаме и Лондоне.

Городские общины обеих стран были легко подавлены. Население других городов и сел не так легко сдалось на милость центра и национального государства. Для этого были необходимы революции XVI и XVII вв. в Голландии и Англии. Лидирующими городами этого революционного процесса стали Амстердам в XVII и XVIII вв. и Лондон в XIX и XX вв. — оба города были центрами новой эпохи. Они управляли мировой централизованной цивилизацией, переживавшей великие перемены, оказались центрами гегемонистской силы. Активно разрастались как население, так и противоречия в этих городах. Настоящая канцерогенность структуры города начала проявляться именно в этот период. Эти зараженные структуры начали постепенно проникать во Францию, США, Восточную Европу, Россию, на Дальний Восток, в Латинскую Америку, на Ближний и Средний Восток и в Африку. XX век стал тем периодом, когда город однозначно завоевал историческое преимущество. Главную роль в парадигматическом мире образа жизни сельской общины, насчитывающей двенадцать тысячелетий, вместе со старой цивилизацией взяла на себя капиталистическая городская парадигма. Город уже был не просто центром торговли, финансов и промышленности; он был также гегемонистским центром целого мировоззрения. Эта парадигма, обросшая такими структурами, как, в первую очередь, университеты и академии, больницы и тюрьмы, классы и бюрократия, вместо мировоззрения на почве древней эсхатологии (конец света) стремилась достичь суверенного статуса при помощи жестких позитивистских взглядов. По сути, позитивизм стал религией нового класса буржуазии, но считал более практичным и удачным позиционировать себя, надев маску «научности» и используя науку, значение которой чрезвычайно возросло.

Такая структура городов действительно было захвачено лапами социальной канцерогенности. Даже Аристотель не жаловал города с населением десять тысяч человек. Но что же такое город с населением сто тысяч, один миллион, пять миллионов, десять миллионов, пятнадцать миллионов, двадцать миллионов? Преследуется цель довести население городов даже до двадцати пяти миллионов! Разве это не является реальным ростом опухоли? Для того, чтобы просто обеспечить питанием такой город, можно в короткие сроки уничтожить среднего размера страну вместе с ее экологией. У такого роста нет никакой логики. Ясно, что это приведет к разрушению «первой природы» вместе с природой общества и города, и ничего более. Ни одна страна с ее экологией и населением не сможет длительное время нести на себе бремя такого роста городов. Реальной причиной разрушения окружающей среды является вот этот канцерогенный рост городов. Город уже завоевал, аннексировал, разрушает и почти превратил в колонию собственную страну вместе с ее народом. Новой колониальной силой стал город; это всемирные масштабы торговли в городах, монополии финансов и капитала, их базы в виде дворцов и плаз. Меры безопасности в этих плазах, которые даже в сравнение не могут идти с древними башнями и стенами, полностью подтверждают вышеупомянутые реалии.

Империализм и колониализм XXI столетия уже не за пределами стран, а внутри них самих. Колонизаторы уже не иностранцы, а, скорее всего, компании. Всемирный характер обрели не только монополии капитала; власть и государство достигли мировых масштабов. Даже деления мировой власти на внутреннюю и внешнюю не осталось. Уже никакого значения не имеет национальная принадлежность, все они стали партнерами. Не осталось никакого смысла дифференциации по военным, экономическим и культурным признакам. Общий язык у них английский, культура англо-саксонская, военная организация НАТО, международная

организация ООН. Уже не один и не два, а несколько Нью-Йорков (гегемонистский центр США, в 1930-х годах очередь была передана Лондону) и Лондонов. Мы живем в эпоху городов общемирового масштаба. Города эпохи глобализации уничтожают раковыми клетками не только окружающую среду. Образ мышления и стиль жизни марсиан, скорее всего, казался бы менее удивительным и более открытым для мира. Благородство горожанина, которое, впрочем, не обнаруживает особого развития, устареваает, еще не родившись. Современность и мода своими демонстративными действиями пытаются скрыть свою истинную чудовищность. Настоящим варваром является город (фашизм, геноцид, безграничное уничтожение культуры, наконец, уничтожение общества). Различного рода отдельные варвары и группы, которых никак нельзя сравнить с варварами древности (я совсем не верю в то, что кочевые племена были варварами), уже базируются не в сельской местности, а в городе. Это — сами города, включающие в себя спортивных фанатиков, бессмысленные музыкальные группы на развлекательных вечеринках, смертоносную бюрократию и рыночных спекулянтов, людей, напроць лишенных принципов нравственности, и людей, превратившихся в роботов, сторонников виртуального общения, симулякров, общество, свихнувшееся на медиа.

Сейчас возведены «Вавилоны» современной эпохи (жаль Вавилона, потому что он до своего упадка еще сохранял благородство и сакральность, деградация имела ограниченный характер). Невозможно предугадать, каков будет конец. Все научные данные свидетельствуют о том, что наша планета не в состоянии перенести тяжесть этого мира (уродливого мира, предающего самого себя, решительно настроенного уничтожить всю экологию). Если все снова вернутся к сельской жизни, то и территории не хватит, погубят. Следует очень хорошо понять, что городское общество дошло до пропасти «уничтожения социума».

Не вызывает никаких сомнений то, что ответственность за такое положение города несут классовые власти и государственные структуры. Поразительные излишки в городах превратили их в безжалостных варваров, породили своего рода городские чудовища (новых левиафанов). Ясно, что за это не может нести ответственность все городское население и общество. Но лес рубят — щепки летят. Периферии, «новые христиане» городов вынуждены искать пути. Иначе города обречены на состояние, которое в тысячи раз хуже пожаров, которые устроят современные нероны, более опасные, нежели исторический Нерон. Необходимо задуматься о спасении городской красоты, нравственности и разума, сохранившихся, пусть даже в ограниченном виде. Любой социальный проект уже должен держать в центре своего внимания проблемы урбанистического происхождения, давно уже пришедшие в болезненное состояние. Ни в коем случае нельзя забывать о том, что все социальные и экологические проблемы необходимо решать только так. Не будем искать других причин упадка общества и всего мира, ведь уже сейчас проблем, зародившихся в городе, хватает с лихвой.

9. Классовые и бюрократические проблемы общества

Те, кто смотрит на классы и бюрократию как на условия существования общества, могут игнорировать сам факт возникновения такого рода проблем. Можно выдвинуть идею о том, что возникают проблемы, возникшие в связи с классами и бюрократией, но сами не являющиеся проблемами существования. Необходимо осознать, что они являются проблемными образованиями, по меньшей мере, такими, как город. Как город, так и классы и бюрократия могли не создавать множество проблем на заре цивилизации. Приближаясь к современности, их проблемные структуры обретают более конкретный облик. Но все же классовое расслоение и связанная с этим бюрократизация сами по себе являются проблемными явлениями; это вещи, которые необязательны с точки зрения социальной нравственности и политики. Общество длительное время сопротивлялось этим двум институтам не так легко восприняло их. Происходила жесткая борьба, и история полна повествований о ней.

Социальная природа в плане различий может содержать очень много изменений и форм, и это будет ясно в последующих главах, когда мы подробно остановимся на данном вопросе. Это нормальные процессы, соответствующие духу природы. Но как и некоторые ткани, которые не развились в мире животных и растений, поскольку не было необходимости в их развитии, совершенно бесполезны, на мой взгляд, крайние, консервативные и недееспособные классы и прослойки, растущие как снежный ком и проникающие в социальные ткани. Исключение — те, кто может сделать осмысленными разнообразие и различия в социальной природе человека, в том числе их неотъемлемой части — тех классов и прослоек (бюрократия тоже является прослойкой), чья дееспособность и функциональность имеют крайне ограниченный характер. Классовое развитие жрецов, аристократии и буржуазии, на протяжении длительного периода способствовавших усилению некоторых полезных сторон, может найти условное понимание. Но, как это было на протяжении всей истории цивилизации, с позиции социальной нравственности и политики невозможно с пониманием принять эти силы, являющиеся идеологическими, политическими, экономическими и военными гегемонами, — в силу их консервативного, крайне репрессивного и эксплуататорского характера. Такого рода противоречие является антагонистическим, потому что эти стороны классов и бюрократии сами по себе являются отрицанием социальной нравственности и политики. Условие, которое я выдвинул, очень важно. Возможно существование класса и бюрократии, обладающих особенностью нахождения различий, внося в это свой вклад. Например, невозможно считать полностью недействительным храм, созданный классом шумерских жрецов. Жрецы именно здесь заложили фундамент науки, эффективного производства, урбанизации, религии, ремесел, системы. Класс жрецов сыграл аналогичную роль во многих культурных скачках. Условное принятие жрецов связано именно с этими положительными фактами. Но другая их особенность, выразившаяся в кастовости, бесполезности и чрезвычайном количественном росте, а также узаконении ими классового расслоения и появления бюрократии, является предметом споров и не может быть воспринята.

Аналогичные особенности характерны и для аристократии. Система, которую аристократы предложили для социального развития, внесла свой вклад в плодотворное производство, навыки управления, развитие искусства и науки. Принятие этого возможно. Но то, что они способствовали возникновению каст, сословности и монархий, превращению в деспотов, даже самообожествлению аристократии — болезнь, и не может быть принято. Социальная

нравственность и политика находится в состоянии антагонистических противоречий с данными процессами. Следовательно, истинная нравственность и политика требуют развернуть победоносную борьбу против этого.

Все вышесказанное больше подходит для буржуазии. Этот класс и бюрократические механизмы в революционные периоды своего развития внесли определенный вклад в процесс социального развития. Торговля и оборотные средства (деньги и векселя), взятие ими в свои руки инициативы в развитии промышленности, периодическое обращение к опыту демократии, определенный вклад в развитие науки и искусства — вот их стороны, требующие определенного понимания. Но чрезвычайно консервативная структура буржуазии, на протяжении последних четырех столетий способствующей классовому расслоению и бюрократизации едва ли не больше, чем на протяжении всей истории классовой цивилизации и увеличению раковых клеток классовости и бюрократизации, гораздо больше и опаснее, нежели возникновение всех высших классов. Буржуазия и бюрократия, захватившие все пространство в истории классового расслоения, в моей парадигме считаются раковой опухолью. Социальная природа не может вынести груз такого рода классового расслоения и бюрократии. Если настойчиво хотят возложить этот груз на шею социальной природы, то мой ответ будет таков: это фашизм. На мой взгляд, еще одним определением фашизма является реакция социальной природы на средний класс (совокупность буржуазии и бюрократии). Гораздо точнее было бы обратное. Фашизм — это то, что средний класс подразумевает под обществом. В данном случае мы утверждаем то, что общество и средний класс не могут двигаться вместе. Часть интеллигенции считает средний класс фундаментом республиканского строя и демократии. Такое представление является одной из лживых пропаганд либерализма. Средний класс — тот класс, который сыграл наиболее активную роль в отрицании республики и демократии. Роль других классов в данном случае ограничена. Более того, другие классы вообще не имели представления о фашизме. Даная роль среднего класса аналогична его роли в чрезмерном росте городов: это канцерогенный рост. Но ведь между ними есть тесная органическая связь, структурная связь! Подобно тому, как город получил эту болезнь вследствие увеличения среднего класса, так и города такого типа способствовали увеличению вышеупомянутого среднего класса.

Мировоззрение среднего класса — позитивистское. Данная классовая структура не видит ничего, кроме лишенных сути и глубины фактов, поверхностно придает формы тем или иным явлениям, а порой в угоду своим интересам попросту не желает замечать те или иные факты. Несмотря на то, что средний класс представляет свой позитивизм под маской «научности», это наиболее склонный к идолопоклонничеству класс во всей истории (количество памятников разрасталось буквально как снежный ком именно в период развития этого класса). На вид этот класс светский и мирской, но по своей сути наиболее религиозный. В данном случае его религиозность сводится к чрезмерной вере в «позитивизм» и мнение. Мы знаем, что позитивизм — отнюдь не целостность реалий. Светскость на словах в реальности превращается в бесстыдное представление обществу самых немислимых виртуальных проектов (своего рода проекты конца света), совершенно противоположных светскому мышлению. Средний класс — тот класс, который в мировом масштабе развивает экономические, политические, военные, идеологические и научные монополии капитала. Следовательно, это — класс, в котором больше всех развит

антагонизм по отношению к обществу. Свое противостояние обществу средний класс реализует двумя путями: в форме уничтожения общества и в форме геноцида. Уничтожение народа и общества по причине его родовой, расовой, религиозной принадлежности стало возможным в силу характера буржуазии как класса. Более ужасающим оказалось его стремление уничтожить общество, что реализуется двумя путями. Первый путь — проникание во все ячейки общества в виде милитаризма и войны на почве структуризации идеологии национального государства и власти. Это тотальная война, развернутая против общества объединившись друг с другом властью и государством. Буржуазия по своему опыту хорошо знает, что иными путями не сможет управлять обществом. Второй путь — акция, направленная на создание эйфорического виртуального общества вместо реального, что происходит на волне революции в сфере информации и коммуникаций, совершивших взрывной скачок во второй половине XX века. Точнее, это война, в которой ударную силу составляет медиативная бомбардировка. В последние пятьдесят лет успешно используется именно такая форма ведения войны. Когда место реальной социальной природы занимает эйфорическое, мнимое и бутафорское общество, это означает, что происходит уничтожение социума.

Я сторонник того, чтобы классы рабов, крепостных и рабочих, которые на протяжении истории цивилизации подвергались и подвергаются угнетению и эксплуатации, воспринимались по-другому. Субъективная и демократизационная роль такого классового расслоения очень ограничена, потому что все существо подчинено структуре и мышлению своего «господина». Это лишенное своей значимости приложение мировоззрение или продолжение хозяина. История не знает ни одного субъективного класса, низложившего господство своего хозяина. Данная ситуация отражает определенные реалии. Несмотря на угнетение и эксплуатацию, классовые интересы присутствуют в структуре общества, подобно ветви, прорастающей из ствола дерева. Как бы ни гнулась и ни ломалась ветвь, это не может повредить ствол, а если даже повредит, то не слишком значительно. В этом плане называя общество рабским, крепостным, аристократическим, пролетарским или буржуазным, мы попадаем в капкан создания ошибочной терминологии. Социальная наука должна в этом плане развить целый ряд новых наименований и определений. Как невозможно описать дерево по одной его ветви, так невозможно и называть общество именем класса, родившегося в его недрах.

Более того, что гораздо важнее, субъективизация классов рабов, крепостных, рабочих, мелкой буржуазии, восхваление и наделение их важными революционными ролями, как это видно из истории социализма и анархизма, не является удачным, и я уверен в том, что в этом случае классам присваиваются ошибочные субъективные значения и революционные роли. Правильный взгляд заключается в том, чтобы выступать против любого классового расслоения. Может быть класс рабов, крепостных и рабочих, находясь еще на переходном этапе становления общества (оставаясь еще и крестьянами, и ремесленниками), играет положительную, субъективную, революционную роль. Но и здесь несомненно деградация, возникающая по мере устаревания и роста, привела к соглашательству с высшими классами и утрате активности.

Но важнее всего то, что мировоззрение, основанное на принципах свободы, равенства и демократии, не может положительно воспринять оба типа классового расслоения,

субъективизации, придания самим себе моральной и политической значимости, за исключением смысла упомянутой мной дифференциации. Оно считает классовое расслоение противоречащим обеим сторонам социальной природы и борется с ним как с антиобщественным явлением. Реализация этого не потребует толкования в качестве законных и реальных общественных ценностей. Подобно тому, как невозможно считать опухолевые образования на теле нормальным явлением, социальные явления, происходящие перед нашими глазами, следует воспринимать также. Более того, угнетенные и эксплуатируемые классовые образования встроены при помощи силы власти и государства и гегемонистской идеологии. Мы можем только осуждать рабство, крепостную зависимость и удел рабочих, реализованных при таких условиях. Говоря: «Да здравствует славный рабочий, крепостной, раб!», — мы объективно восхваляем и оправдываем силы гегемонистской власти. Такого рода толкования классов Марксом и его последователями стало основной причиной неудачи их учения. Возможно, высшие классы могут иметь определенный смысл до определенной степени, но поскольку классовое расслоение, осуществляемое кровью и потом, формируется путем идеологического убеждения, постоянно следует осуждать, не восхвалять, а выходить за упомянутые границы, и борьба во имя этого является наиболее правильной позицией. Данный тип, которому присваивается роль субъекта, хотя он таковым не является, роль революционера, хотя совершенно очевидно, что он не в состоянии совершить революцию, не сможет избежать поражения, как это явствует из многочисленных исторических примеров. Причина поражения заключается в неправильном понимании проблемы, а также в том, что классовому расслоению присваивается ошибочная роль. Социальная борьба нового периода, XXI столетия, может оказаться успешной по мере того, как откажется от этих серьезных ошибок.

Верно, что буржуазия усугубляет классовую проблему. Верно и то, что она довела до уровня власти все свои интересы в любых ячейках общества (довести до уровня власти — означает воевать с обществом), а также вступила в официальный союз с государством и сейчас переживает наиболее развитый период своей истории. Существует ряд примеров того, как буржуазия превращает в инструмент своих интересов многие социальные слои, в первую очередь, рабочих — за поощрения, под видом «участия в капитале». Можно в какой-то степени сказать, что она поглотила общество. Но, опять же, становится еще более ясным, что буржуазия является самым проблемным классом, тем классом, который даже делает общество еще более проблемным.

Правда, что на протяжении истории бюрократия всегда была инструментом структурного применения самостоятельными классами. Однако можно спокойно утверждать и другое: ближе к современности, в условиях национального государства она обрела гораздо большие масштабы, стала играть роль почти независимого класса, повысила значимость во власти и государстве и стала считать себя государством. Трудно отрицать и то, что бюрократия превратилась в такую преимущественную силу, которая заточила общество в «железную клетку» и, дотянувшись до всех социальных сфер (образование, здравоохранение, юстиция, транспорт, нравственность, политика, окружающая среда, наука, религия, искусство, экономика), укрепила свою роль. В современном капиталистическом обществе не только государственная бюрократия обнаглела до предела, но и почти весь монополистский мир по ее примеру стал выращивать собственную бюрократию, объясняя это тем, что «необходимо выйти из рамок семейных компаний и стать компаниями, управляемыми профессионалами».

Чрезмерный рост бюрократии связан с этими новыми реалиями компаний. Можно назвать это своего рода «этатизацией» компаний. Действительно, в условиях, когда национальное государство уже не является прежней силой, а на повестке дня стоит вопрос строительства нового государства, приобщение всемирных и местных компаний к государственным масштабам развивается как господствующая тенденция.

Проблемы общества, зародившиеся в этих тисках, все еще актуальны. Это практически «сегодняшний день» всей истории. Если же сказать открыто, то данная пара, подобно осьминогу, держит в своих щупальцах традиционное общество, душит и поглощает его в своей утробе. Вывод, который можно из этого сделать, заключается в следующем: сейчас проходит судьбоносный процесс, а социальная свобода, равенство и демократия возможны только в границах системы, имеющей структуру демократической цивилизации, что можно установить только в борьбе за строительство при помощи исправленной науки.

10. Проблемы образования и здравоохранения в обществе

Если даже эта тема покажется излишней, тем не менее, очень важно осознать проблемы, способствовавшие переходу сфер образования и здравоохранения, как и науки, в лоно государственной монополии. Подобно тому, что наука, ставшая инструментом государства, оказывается самым эффективным оружием идеологической гегемонии, такой же характер обретают образование и здравоохранение, слившиеся воедино с властью.

Образование можно назвать усилиями, направленными на освоение членами общества, в частности, молодежью, теории и практики самого общества в виде знаний. Социализация детей происходит вместе с эффективностью образования в обществе. Образование детей является важнейшей задачей не власти и государства, а общества, потому что дети и молодежь принадлежат самому обществу. Жизненно важным вопросом является воспитание детей и молодежи в соответствии с традициями общества, особенностями социальной природы, возвращение их в свое лоно, что является как правом, так и обязанностью, поскольку это — проблема продолжения существования общества. Ни одно общество не может разделить с кем-либо другим или передать кому-то свое право на дальнейшее существование и обязанности в плане необходимого для этого образования молодежи. Даже если сила, о которой идет речь, будет представлена в виде государства или различных механизмов власти, все равно общество не может передать ему эти права и обязанности. В противном случае будет считаться, что общество уступило монополиям суверенитета. Священный характер права на образование обусловлен вопросом существования. Ни одна сила, включая родителей, не может быть столь близка к детям и молодежи, как общество, и не может, как они, испытывать потребность в этом. На протяжении всей истории цивилизаций одна из самых больших противоположностей общества имела место тогда, когда оно лишалось детей и молодежи. Эти деяния осуществляются двумя путями: или, уничтожив старших, поработают детей, или же забирают детей под предлогом образования, чтобы вынести им оценку на ярусе власти.

Одной из важнейших целей войн является ассимиляция этими двумя путями детей, девушек и молодых мужчин, являющихся самым ценным трофеем. В дальнейшем уже формируются очаги создания собственных копий. Так была заложена основа примитивной бюрократии, и с этой точки зрения история цивилизации является акцией ослабления общества, с одной стороны, и формирования мощи бюрократических механизмов, с другой. Задача заключается в формировании общества в противовес существующему, формировании общества власти и государства, противостоящего естественному социуму. В процессе такого формирования детей и молодежь, оторванных от своих корней, заставляют принять иной язык, культуру и историю. Отчуждение от собственной сути является основной задачей. Жизнь без власти представляется невозможной. Людям прививается наиболее этатическая идентичность, выраженная как идеологически, так и материально. Государство и власть преподносятся им как единственный действенный путь к существованию. Эти клонированные прослойки уже считают себя государством и властью, и таким образом вступают в противоречие с естественным обществом. Порой отождествляют общество государства с социальной природой. Это ошибочно, противоречиво. История цивилизации возведена на этом противоречии. Данные исторические реалии лежат в основе процесса аннексии властью системы образования, иначе она не стала бы заботиться о просвещении общества. Как капиталист обучает своих рабочих, так и власть обучает своих подчиненных в соответствии с той же логикой создавая своих слуг-работников. Хоть прослойка и называется бюрократией, но все ее члены, от низшего до высшего звена, воспитаны как слуги.

В частности, власти национального государства создают свои монополии в отношении детей и молодежи общества сначала с помощью образования. Люди, попавшие под влияние исторического и эстетического мироощущения, религиозного и философского мышления властей, уже не принадлежат своим прежним семьям, а становятся детьми, собственностью и товаром властей. Так закладывается структура важнейшего процесса отчуждения. Буржуазия является тем классом, который строит самую жесткую монополию образования в отношении всего общества. Сделав обязательным начальное и среднее образование, напомнив тем, кто ищет работу, об университетском дипломе, она как бы затягивает в тиски отчуждения и зависимости всю молодежь общества, запирает ее в клетках. Сила, материальный достаток и образование — это орудия, при наличии которых общество вряд ли может сопротивляться колонизации.

Таким образом можно спокойно уяснить, что на протяжении всей истории цивилизации общество больше всех пострадало в войне, развернутой против него государством и властью при помощи инструментов образования. Самым труднодостижимым правом является право общества на образование. Процесс обеспечения существования общества в противовес гигантским силам национального государства и экономических монополий вступил при помощи образования в самый сложный период истории. Идеологическая гегемония, развернув благодаря последнему перевороту в коммуникациях информационную войну против всего общества (в силу того, что колонизация продолжается, может быть, более ожесточенно, чем в военном или экономическом отношениях), развивает более успешный культурный неоколониализм. Единственным путем к свободе и освобождению является борьба, которая должна вестись с помощью основных средств существования общества — ее нравственности и политики. Общество, утратившее свою молодежь, или,

наоборот, молодое поколение, потерявшее свое общество, считаются не только побежденными, но и, предав его, теряют право на существование. Следующим этапом становится процесс загнивания, разрушения и исчезновения. Основной социальной задачей, которую необходимо выполнить в противовес этому, оказывается развитие собственных образовательных учреждений, являющихся инструментом продолжения бытия. В содержательном плане необходимо отделить научное, философское, эстетическое, лингвистическое воззрения от слившейся структуры наука-власть. Надо победить в революции смысла — в противном случае невозможно будет придать функциональность нравственным и политическим тканям социального бытия.

Таким образом, проблема образования, по своей сути, делает обязательными нравственные и политические структуры общества, а задачей нравственности и политики является, в основном, реализация социального образования. Общество, не занимающееся собственным образованием, не только лишается возможности развивать и поддерживать свою нравственность и политическую структуру, но и постоянно испытывает опасность; ему не избежать разложения и разрушения.

Проблема здоровья общества также является очень деликатной темой. Она имеет столь же серьезное значение, как и образование. База, бытие и свобода общества, не способного собственными усилиями сохранить здоровье, или находятся под угрозой, или полностью утрачены.

Здоровье является показателем общего состояния социума. Общество, способное решить проблемы своего физического и духовного здоровья, получает возможность обретения свободы. Распространенная болезнь колониальных обществ связана с режимом при котором они живут. Создание собственных учреждений здравоохранения и воспитание собственных специалистов должно восприниматься как основная задача общества. Если власть и государство отнимают у общества выше названную задачу и монополизируют данную сферу, это становится большим ударом по здоровью общества. Борьба за право заботиться о собственном здоровье является важным шагом в плане самоуважения и свободы.

Современный капитализм считает жизненно важным придание сфере образования и здравоохранения национально-государственного характера. Без взятия под свой контроль этих двух сфер, с которыми связаны вопросы существования, здорового и просвещенного развития общества, без построения на этой почве монополистской власти им крайне тяжело будет продолжить свое господство и эксплуатацию. Зная о том, что просто голой милитаристской силой невозможно установить господство над обществом, монополии считают очень важными для себя установление контроля над структурами образования и здравоохранения.

Мы в очередной раз видим, что в основе всех проблем существования общества лежат монополистическое государство и власть. Тандем прибыли-капитала не может дальше существовать без этой монополии власти. В ответ на это ни одна проблема общества не найдет кардинального решения вне системной борьбы демократической цивилизации.

11. Проблема милитаризма в обществе

Милитаризм можно назвать наиболее развитым антиобщественным монополизмом. Можно предположить, что это результат действия аналитического ума и действий «сильного и коварного человека», привыкшего охотиться — результат первых усилий, направленных на создание власти с целью угнетения и эксплуатации социальной природы. Тот, у кого достаточно силы, как правило, пытается установить свою власть над двумя основными группами: над группой охотников, находящейся рядом с ним, и над женщиной, которую старается заключить в стенах дома. Этот процесс позволяет наблюдать, как под различными формами во многих обществах формируется первая иерархическая власть с участием таких факторов, как шаманизм (прото-жрецы) и геронтократия (группа пожилых членов общества). Вместе с переходом к истории цивилизации наблюдается и то, как «сильный и коварный человек», будучи властью, обретающей официальный характер, пытается структурироваться в качестве военной ветви государства (первая монополизация, в отношении экономики основанная на аннексии прибавочного продукта). Эти процессы отражаются в деятельности I, II и III династий Ур, что имело место вслед за эпохой шумерских жрецов-правителей. Такие реалии отмечены во многих обществах. Даже в эпосе о Гильгамеше можно шаг за шагом проследить то, как царство откровенно узурпируется и отнимается из рук богини Инанны (традиция женщины-богини и жрицы) посредством постепенного ослабления и заточения жрицы в стенах дома (как частного, так и публичного).

Если считать Гильгамеша символом первого в истории полководца, можно будет гораздо лучше разобраться в формировании военно-милитаристской традиции. Все дела заключались в походах, целью которых была охота на людей для удовлетворения потребностей города в труде рабов, и объектом охоты становились племена (Хумбаба), которых называли дикими варварами (проживали они на севере нынешнего Ирака и брались в плен при помощи приспешника Энкиду, упоминаемого в эпосе о Гильгамеше). Совершенно ясно, что источником настоящего варварства и дикости является насилие, исходящее от города. Выражение «варвар», укоренившееся в греческой культурной традиции, получило свое развитие как искажение, ложная пропаганда, источником которой являлся город. Целью было достижение идеологического превосходства. Ясно, что племена, которые просто — на просто слабее и организованы хуже, чем город, не могут считаться варварскими в упоминавшемся смысле. Понятие «варварство» является одним из ярких примеров лжи и искажений в истории цивилизации. Второй обязанностью силового фактора города является безопасность. Для этого чаще всего прибегают к такому методу, как возведение крепостей и стен и постоянное изобретение более мощного оружия. Акцентирование внимания на том, что в этих целях миллионы людей превращались в рабов, крепостных, батраков, а тех, кто не хотел принять такой статус, попросту уничтожали, причем все это рассматривалось как история, стало таким реалистическим подходом, который невозможно проигнорировать.

Военная ветвь общества пропорционально своей мощи отделяет для себя самую большую часть в процессе роста экономических ценностей. Эти реалии очень ярко подтверждаются традиционными для истории походами с целью добычи трофеев. Более того, очевидно, что в основе государства лежит собственность, в основе собственности — военные завоевания и

аннексия. Завоеватель считается хозяином. Он рассматривает и объявляет этот принцип своим естественным и неотъемлемым правом. Государство — это совокупность собственности, в первую очередь, земель, и трофеев (движимого имущества), которые завоевываются силами власти. Например, принцип «все османские мамелюкства (вся собственность) принадлежат падишаху» означает ничто иное, как продолжение этой первой и главенствующей традиции, являющейся выражением взаимоотношений между государством и военными завоеваниями. Традиция установлена именно таким образом и продолжалась в каждом государственном строительстве, под нее подводилась определенная правовая база. По этой причине военная прослойка, считая себя основным владельцем государства, следовательно, собственности, постоянно помнит об исторической традиции. То, что армия превратилась в самую сильную монополистскую ветвь, обусловлено природой власти и государства. Впрочем, сила власти и оружия, сконцентрированная в руках армии, способна спокойно обеспечить это. То, что усилия, периодически предпринимаемые партикулярной бюрократией в целях увеличения собственной доли (монополии), завершаются военным переворотом, может быть гораздо лучше воспринято в свете этих фундаментальных истин. Несомненно, в процессе учреждения государства незаменимую роль сыграли идеологическая и бюрократическая монополии, называемые «классом науки и пера». Но их роль не столь определяющая, как у армии. Даже самое поверхностное исследование механизмов власти и государства в истории и современности подтверждает эту истину

Первым из действительно важнейших, с точки зрения нашей темы, вопросов является то, что армия — это самая развитая и определяющая монополия. Воины и армия сражаются совсем не ради славы, чести и героизма, как это представляет идеология — это всего лишь идеологическая пропаганда, развиваемая в целях маскировки и искажения сути. Воины и армия существуют в форме незаменимого фактора монополии власти. Армия по своей сущности имеет экономический характер. Армия — это такая монополия, которая основана на экономике, стоит над экономикой и вдали от нее, но гарантирует прибыль (зарплату). Против армии очень сложно выступить, а все остальные монополистские слои просто вынуждены идти с ней на соглашение и делиться прибылью. В процессе своего исторического формирования и развития армия была именно такой структурной традицией и монополией. Это монополия класса и бюрократии, теснее всего связанная с экономическим развитием, но желающая держаться дальше всех от этого. В вышеупомянутом смысле она как бы максимально удалено от общества. Точнее, это монополистская прослойка, оснастившая себя наилучшим экономическим и боевым оружием и ставшая неуязвимой. Без точного анализа армии невозможно правильно воспринимать ни экономический монополизм, ни монополизм государства и власти. Все три монополии — единое целое, обладают аналогичной сутью, питаются прибавочным продуктам общества и считают, что в ответ на это обеспечивают безопасность, образование, здравоохранение и рентабельность общества. Идеология государственности, идеологическое государство позиционирует себя именно таким образом. Но истина — несколько иного рода, именно такова, как мы ее изложили.

Поскольку наращивание военной мощи и милитаризм являются наиболее организованными ветвями капитала и власти, они, вполне естественно, представляют собой институт, в наибольшей степени тяготеющий к установлению господства над обществом и заключению

его в железную клетку. Несмотря на то, что в истории и практике государств милитаризм в целом является силой, постоянно проникающей в общество, контролирующей его и властвующей над ним, максимального своего уровня он достиг в эпоху среднего класса (буржуазии), в эпоху монополии национального государства. В условиях национального государства в качестве определяющей особенности перед нами предстает следующая картина: от имени армии официально все общество обезоруживается, и единственная монополия на оружие переходит к государству-армии. Ни в один из периодов истории общество не было обезоружено так, как это сделал класс буржуазии. Причина этих крайне важных реалий заключается в усилении эксплуатации и нарастающей волне ответной борьбы. Если не разоружать общество основательно и постоянно, невозможно управлять им, протискивая щупальца власти во все его ячейки и установив тотальное наблюдение. Практически действует принцип: с обществом не справиться до тех пор, пока не заточить его в «железную клетку» современности. Более того, над обществом невозможно властвовать до тех пор, пока оно не будет захвачено и окружено информационной армией эпохи транснациональных финансовых монополий. Масштабы эксплуататорских монополий проецируются на процесс формирования монополий идеологически-информационных и бюрократически-военных. Характер этих взаимоопределяющих друг друга монополий определен скрепляющими их неразрывными узами. Преимущество последней крупной централизованной цивилизации, супер-гегемона и прочих региональных гегемоний, а также местных соглашателей над прочими монополиями вооруженного индустриального капитала, основанного на милитаризме внутри общества, обусловлено сутью этих исторических и современных позиций. отождествление милитаризма с фашизмом капиталистической монополии обретает смысл в этой истине.

Конечно же, все естественное общество и все иные общественные формации, существовавшие на протяжении истории, активно оборонялись перед угрозой милитаристского развития цивилизации. Традиция, называемая самозащитой, в процессе своего развития на протяжении тысячелетий обретала структуры в различных восстаниях, мятежах, партизанском движении и в отрядах народной обороны. Известны масштабные оборонительные войны. Безусловно, оборонительные войны не могут быть отождествлены с войнами, развязанными милитаристскими монополиями. Между ними есть разница в содержании, сущности. В одном случае речь идет об антиобщественной, колонизаторской войне, уничтожающей и разлагающей, в другом мы ясно видим социальный характер войны, защищающей общество, предоставляющей свободу развития нравственных и политических способностей. Демократическая цивилизация — защита и оборона общества от милитаризма централизованной цивилизации с помощью систематизации процесса самообороны.

12. Проблемы мира и демократии в обществе

В предыдущих одиннадцати разделах я постарался в виде коротких определений отразить социальные проблемы и социальную природу. Любая парадигма и социальная наука могут иметь значение только в том случае, если будет сделан анализ и найдены ответы на основе

этих определений. В противном случае нет никаких отличий от либеральных и традиционалистских риторик (искусство слова, скрывающее саму суть доминирования). Общий итог, которого я достиг, заключается в том, что в основе социальных проблем лежат объединенное влияние, доминирующая роль и колониальная политика монополий гнета и эксплуатации, в целом эксплуатирующих социальную природу (существование общества) и, в частности, экономические возможности, производящие прибавочную стоимость. Более того, речь идет о том, что это очень хитрые проблемы. Источниками проблем не являются ни природа (первичная природа), ни какой-либо иной социальный фактор (вторичная природа).

Без социальной нравственности и политики, которые, как факторы существования, обрастают тканью, чтобы вести дела общества в общем, коллективном смысле, социум не сможет продолжать свое существование. Нормальное состояние общества и его существование невозможны вне нравственности и политики. Если собственная нравственная и политическая ткань общества не развита или испорчена, искажена и парализована, то можно говорить о том, что такое общество будет аннексировано и колонизировано различными монополиями в виде капитала, власти и государства. Но продолжение существования в такой форме является отчуждением и предательством, совершенным против себя самого; это переход в стадное состояние, превращение в вещь, собственность под господством монополий. Общество в таком состоянии утратило или свою истинную природу, или естественно-природные способности, или просто зачерствело. Оно колонизировано или, что еще хуже, превращено в предмет собственности, обречено на разложение и исчезновение. В истории и современности есть множество обществ, соответствующих подобному определению. Разложившихся и уничтоженных во много раз больше чем тех, кто сумел выжить.

Если социум оказывается в такой ситуации, когда не может сформировать и задействовать нравственные и политические структуры, необходимые для продолжения жизнедеятельности, это означает, что оно попало в пасть Молоха гнета и эксплуатации. Это состояние является «состоянием войны». Историю можно назвать «состоянием войны» цивилизаций против общества, когда бездействуют нравственность и политика. Единственное, что остается обществу, — это самооборона. Состояние войны — это отсутствие мира, стало быть, мир может обрести смысл только на основе самообороны. Мир без самообороны может быть выражением капитуляции и рабства. Мир без самообороны, игра, называемая демократическим миром, согласием, навязываемые сегодня народам и обществам, — это ничто иное, как маскировка одностороннего суверенитета класса буржуазии, осуществляемого в вооруженном до зубов состоянии, то есть замаскированное состояние войны. Определение мира в такой форме предстает перед нами как самое большое деяние идеологической гегемонии капитала. В истории это выражено в различной форме под именем «понятий, возведенных до уровня святости». Религии, в особенности, религии эпохи цивилизации полны такого рода понятий.

Мир может обрести свой истинный смысл только тогда, когда будет защищено и прочно развито право общества на самооборону, следовательно, его нравственный и политический характер. Определение мира, которым, в частности, серьезно занимался Мишель Фуко, может обрести социальное выражение лишь в такой приемлемой форме. Любой другой смысл, кроме этого, приведет к тому, что мир окажется капканом для всех народов и

обществ и станет маскировкой состояния войны. Слово «мир» в условиях современного капитализма является выражением, изобилующим ловушками. Использование без точного определения чревато большой опасностью. Если еще раз вернуться к определению, то получается, что мир — это ни полное отсутствие состояния войны, ни ситуация стабильности и отсутствия войны, наступающая в случае превосходства одной стороны. У мира существуют лишь две стороны, несомненного превосходства одной стороны над другой нет и не должно быть. Третье условие — необходимость прекращения огня на основе согласия с нравственной и политической функциональностью общества. Три вышеназванных условия, являясь важнейшими принципами, образуют фундамент мира. Реальный мир не может иметь смысла, если не будет основан на этих принципах.

Если несколько раскрыть эти три условия, то получится следующее: первое условие заключается в том, что полное обезоруживание сторон не предусмотрено. Какими бы ни были их утверждения, но стороны попросту заключают взаимные соглашения о том, что не будут угрожать друг другу оружием. Нет погони за вооруженным преимуществом. Стороны принимают в качестве условия уважения к правам, касающимся взаимной безопасности. Второе: нет речи об окончательном преимуществе одной стороны над другой. Возможно, будет стабильность, спокойствие, обеспечиваемое оружием, но такая ситуация не может считаться миром. Вопрос мира может оказаться на повестке дня в том случае, если взаимно принимается решение о прекращении войны без обеспечения собственного преимущества (вооруженного) одной из сторон независимо от того, права, или нет. Третье условие заключается в том, чтобы стороны при решении проблем проявляли уважение к структуре общественной нравственности (совести) и социальной политики — опять же, независимо от их позиций, общества или власти. Условие, называемое «политическим решением», можно установить в этих границах. Прекращение огня, не содержащее политическое и нравственное решение, не может считаться миром.

В свете этих принципиальных условий достижения мира демократическая политика оказывается на повестке дня, обретая непреходящее значение. Процесс, естественно возникающий при действенности нравственных и политических структур общества, называется процессом демократической политики. Круги, надеющиеся на мир, знают, что мир можно обеспечить только в том случае, если политика сыграет свою роль на нравственной основе. Для мира необходимо, чтобы как минимум одна из сторон придерживалась демократической политики. В противном случае все, что будет сделано, окажется «игрой в мир», сыгранной от имени монополий. В данном случае жизненно важную роль может сыграть демократическая политика. В борьбе против сил власти и государства только силы демократической политики могут обеспечить существенный мирный процесс на почве диалога. Все, выходящее за эти рамки, будет происходить в виде взаимного временного прекращения огня сторонниками войны (монополиями). Существуют понятие усталости от войны, логистические и экономические трудности. В случае преодоления этих трудностей война продолжается до тех пор, пока одна из сторон не достигнет полного превосходства над другой. Такие процессы нельзя назвать мирным процессом, это можно рассматривать лишь как прекращение огня перед началом более массированных боевых действий. Для того, чтобы прекращение огня привело к миру, принципиальное значение имеет то, насколько оно способствовало к установлению мира, было связано с перечисленными нами тремя условиями.

В ходе войны могут иметь место такие случаи, когда обороняющаяся сторона (справедливая) обретает окончательное преимущество. Даже в этом случае три условия мира остаются неизменными. Как видно на примере стран социализма и многих справедливых национально-освободительных движений, не может считаться миром постоянное стремление к собственной власти и государству, обеспечение стабильности во имя этой власти и государства. В таком случае вместо чужеземной силы (монополистской) утверждается власть местной силы (государственный капитализм или прослойка, называемая «национальной буржуазией»). Даже если назвать власть социальной, социологические реалии от этого не поменяются. Мир принципиально не является таким явлением, которого можно достичь путем превосходства во власти или государстве. До тех пор, пока власть и государство не разделят свое преимущество с демократическими силами, под какими именами бы они ни выступали (буржуазии, социалистов, национальных, не национальных сил — это не имеет значения), вопрос мира не будет стоять на повестке дня. В конечном счете, мир — это условное согласие демократии и государства. На протяжении истории повествования о таком согласии занимают много времени и места. Это было испытано в разных условиях и в разные сроки. Есть и процессы, имеющие принципиальный и длительный характер. Но есть и такие, которые распадаются еще до создания более сложных. Общества не могут состоять только из сил власти и государства. Как бы ни сужалось их пространство, до тех пор, пока не будут полностью уничтожены, они могут продолжать жизнедеятельность в рамках собственной нравственной и политической идентичности. Возможно, эта истина и есть настоящее состояние жизни, не написанное в истории.

Восприятие общества не как антологии повествований о власти и государстве, а, напротив, восприятие общества как определяющей природы может внести вклад в формирование более реалистической социальной науки. Как бы велики и богаты ни были власти и государства, монополии капитала (сказка о фараоне и Каруне) или как бы чудовищно ни разрастались они, подобно современным (новым левиафанам), им никогда не удастся ликвидировать общество, потому что именно общество, в конечном счете, определяет их. Определяемые никогда не смогут занять место тех, кто их определяет. Даже самая яростная сила информационной пропаганды власти (как в наши дни) не сможет замаскировать эту истину. Это — самые глупые и жалкие силы, завернувшиеся в одеяния монстра. В противовес этому человеческое общество постоянно, с момента своего зарождения по настоящее время, остается наиболее величественным созданием природы.

Система демократической цивилизации, как в своем историческом, так и современном состоянии, будучи системой толкования общества в пределах основной парадигмы, обогащения его научными знаниями и реконструкции, станет предметом последующей части данного труда.

Версия #1

Зверобой создал 13 января 2026 11:59:11

Зверобой обновил 14 января 2026 16:32:46